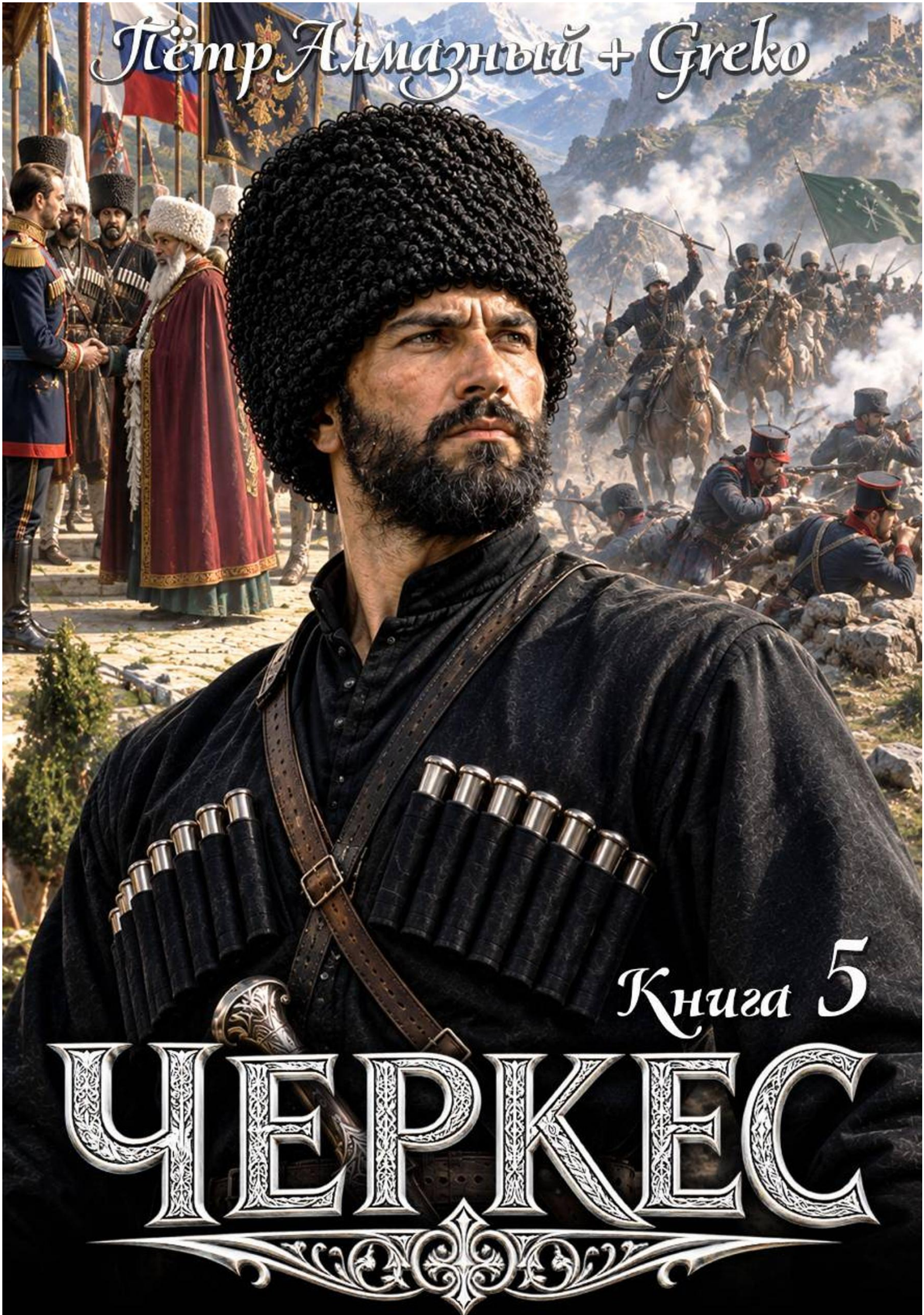

Пётр Алмазный + Greko
Книга 5
ЧЕРКЕС

Петр Алмазный

Черкес. Книга 5

«Автор»
2026

Алмазный П.

Черкес. Книга 5 / П. Алмазный — «Автор», 2026

Новые задания и жестокие приключения ждут Косту в Черкесии. Многое меняется прямо на глазах: и обстановка, и его отношение к людям и событиям. Один лишь приезд Императора на Кавказ чего стоит. Не пора ли герою закончить с карьерой двойного агента?

© Алмазный П., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Две причины не жениться. 6
Глава 2. Бахадур: раджа или падишах? 13
Глава 3. О, женщины, вам имя «я хочу»! 20
Глава 4. Оказии на Военно-Грузинской дороге. 26
Глава 5. На жизнь поэта. 33
Глава 6. Нравы Кубанской линии. 41
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Greko, Петр Алмазный
Черкес. Книга 5

Название: Черкес. Книга 5. Спасти кавказского пленника
Авторы: Greko, Петр Алмазный

Глава 1. Две причины не жениться.

— Прапорщик? – изумился я настолько, что пропустил «Ваше Сиятельство». – Не юнкер?

Хан-Гирей не стал чиниться и по-простому, с улыбкой мне ответил:

— В конверте, что вы мне передали, к обращению ко мне генералов относительно Торнау, прилагался приказ командира корпуса о производстве юнкера Варваци в младший обер-офицерский чин. По ходатайству контр-адмирала Эсмонта «за производство рекогносцировки в тылу неприятеля, сопряженной с опасностью, на мысе Адлер», – зачитал по бумажке князь.

Я довольно крякнул. Старина Эсмонт! Видимо, решил отдать старые долги, узнав, как меня подвели флотские в Севастополе. Ну, что же! Дареному коню в зубы не смотрят! Тем более такому! Меня, по крайней мере, избавили от экзамена. Письменный русский мне все еще давался неважно из-за ятей и десятеричного і. И я сильно сомневался, что получение ордена меня автоматом превратило бы в офицера. Станислав – не Георгий!

— Поздравляю, прапорщик! Первый чин! Это всегда волнительно. Запомните этот день! Мне ли не знать, как трудно нам, кавказцам, влиться в офицерский орден Российской армии. Тем более, вам! Вы же не из дворян?

— Так точно, Ваше Сиятельство!

— Обращайтесь ко мне как к старшему по званию! – поправил меня Хан-Гирей. – И когда мы наедине или в кругу офицеров, вполне достаточно будет «господина полковника», вместо «Вашего Превосходительства». Мы теперь братья не только по Родине, но и по оружию. Осталось вам справить мундирную пару. Но бороду сбривать запрещаю! Не забывайте: вам предстоит поиск к границам Убыхии и Абадзехии, где вы видели последний раз Торнау.

— Господин полковник! С этим делом у меня есть одна сложность…

— Я думаю, не одна, а целая пропасть! Организовать рейд – сложнейшее мероприятие. Где искать вам надежных проводников? Придется идти на поклон к Зассу. Вот только я не уверен, что на него можно положиться. Подбор спутников Торнау он провалил.

— Как раз, с проводниками у меня есть одна зацепка. Генерал-майор Пацовский мне рекомендовал найти ногайца Карамурзина.

— А, старый абрек… Кто не знает Карамурзина?! С ним интересная история вышла. Жил он раньше с тремя братьями в мирном ауле в восьмидесяти верстах от Прочного Окопа. Местный армейский начальник позавидовал богатству Карамурзиных и положил на него глаз. Состряпал дело. Братья были вынуждены бежать за Кубань. И сыскали себе славу отчаянных удальцов и самых яростных русских противников. Когда двое братьев погибли, Карамурзин решил замириться. Старший брат наказал перед смертью. Так он и попал в проводники к Торнау в 1835. А Федор Федорович добился, чтобы ему аул вернули. Поучительная история! Своими руками врагов плодим! Ну да, бог судья алчным офицерам! В чем тогда ваша трудность?

— Я привез в Тифлис девушку. Грузинскую дворянку Тамару Саларидзе. Я ее у убыхов отбил, а ее брат-опекун от нее отказался. Но меня это не остановило. Намерен жениться! Как же я ее брошу одну в городе, если в поиск уеду? – без обиняков выложил я свою проблему.

— Намерения ваши благородные, но абсолютно несбыточные!

— ?!

— А что вы хотели? Вы теперь в армии, и, будь вы даже солдатом, не могли бы жениться без разрешения командира. Вашим полком командует князь Дадиани. Баловень судьбы из симбирских грузин. От своих отстал – к русским не пристал. Только женитьбой на дочери Розена Лидии и выправил свое положение. Говорят, он стеснен в денежных вопросах.

— Господин полковник! Какая связь между моей женитьбой и финансовыми неурядицами князя?

— С финансовыми – никакой. Просто он напыщенный дундук! И с людьми подчиненными груб и заносчив. Ему не полком командовать – хорошо если ротой! Боюсь, может отказать в вашем деле. Но это полбеды. Вторая ваша проблема – отсутствие согласия на брак со стороны родственников. Вы же не хотите искать пьяного попика, чтобы вас тайком обвенчали?

— Хотелось бы избежать… – я был в полном ошеломлении. – Что ж мне делать?

— Выход есть. Но хочу сразу предупредить: за успех я не ручаюсь.

— Согласен заранее на всё!

— Вам следует вашу зазнобу отдать на воспитание в какое-нибудь благородное семейство.

— Ох ты ж, матушка-роща! А это мне чем поможет?

— Тем, мой друг, что дама, взявшая вашу невесту к себе воспитанницей, может выступить как опекун и дать разрешение на брак!

— Господин полковник! Выручайте! Век буду благодарен, – взмолился я.

— Какой вы горячий, прапорщик! – рассмеялся Хан-Гирей. – Вроде, не юноша…

— Любви все возрасты покорны!

Князь рассмеялся и продолжил свои объяснения в довольно-таки легкомысленном тоне:

— Тифлис, как планета Земля, стоит на трех китах женского общества. На трех престарелых грациях, весьма влиятельных. Шучу, конечно, и повторять мою шутку в обществе не стоит. Ибо эти три дамы могут как миловать, так и карать.

Я чуть не ляпнул «огласите весь список, пожалуйста!», но вовремя прикусил язык.

— Итак. Первым номером у нас идет местная хозяйка, баронесса Елизавета Дмитриевна. Дама строгая. Избалованная вниманием и лестью в силу положения ее мужа. Выдав старшую замуж, воспитывает трех дочерей, Софью, Аделаиду и Прасковью. Быть может, это обстоятельство побудит ее отнестись благосклонно к моей просьбе взять в дом благородную грузинку, в коей найдет спутницу своим дочкам.

— Великолепный вариант! – восхитился я. – Уверен, баронесса легко убедит своего зятя выдать мне согласие.

— Это бесспорно! Но повторюсь: упросить ее будет нелегко. Катерина Николаевна, задушевная подруга баронессы, идет в нашем списке вторым номером. Ежели мерить размером, то ей первое место стоило бы отдать. Дама поистине голиафского сложения. Она руководит пансионом благородных девиц, где вашей нареченной самое место! Да вот беда! Выцарапать ее оттуда может оказаться нелегко. Наш гренадер в юбке легко встанет в позу и потребует завершения полного курса обучения.

— Хотелось бы избежать конфликта, господин полковник. Зная пылкий нрав Тамары, берусь предсказать: сбежит!

— Тогда остается третий вариант. Старушка Катерина Акакиевна. Большая любительница бостона. В прочих обстоятельствах весьма почтенна и уважаема, но стоит ей усесться за ломберный стол, азарт овладевает ею, демону подобно. Впрочем, в карты она – большая мастерица и, ходят слухи, живет с игры на деньги и прикупом в старшую масть сына в люди вывела. Но фортуна игрока переменчива. Уверен, если ей предложить интересную сумму, она согласится без раздумий. Располагаете средствами?

— Смотря, что считать суммой! – хмыкнул я. – Не уверен, что это хорошая идея – отдать девушку в руки азартной старухи. Но на безрыбье – и рак рыба! Оставим как запасной вариант на случай отказа баронессы.

— На том и порешим! – легко прихлопнул по столу Хан-Гирей и поднялся. – Отправимся же сразу к Елизавете Дмитриевне.

— Господин полковник! Вот так – с бухты-барахты?!

— А к чему ждать? Мы во дворце. Мне предоставили право являться без приглашения. В обществе, которое собрала вокруг себя баронесса, на первую половину состоящему из рус-

ского мундира, а на вторую – из грузинской чохи, я своим нарядом достиг положения «царя вечера»! – горько усмехнулся Хан-Гирей. – Не исключаю, что меня вдобавок считают столичной штучкой! Потрясающе скучные вечера проходят у баронессы по вторникам и четвергам, – зачем-то поделился он со мной. Видимо, наболело.

Князь Султан надел свой шлем. Аккуратно расправил бармицу. Кольчужная сетка доходила до середины груди и напоминала вязаную манишку. Шлем в сочетании с эполетами выглядел убийственно. Когда полковник повесил на бок свой саадак с луком, эффект от его наряда вышел и вовсе сокрушительным.

Заметив мои округлившиеся глаза, он снова усмехнулся. Воздержался от комментариев и пошел на вход, поманив меня за собой.

К моему удивлению, приняли нас, как только лакей доложил баронессе о прибытии Хан-Гирея со спутником. Нас проводили в зал со стенами, оклеенными красными французскими обоями. Наверное, подобное считалось верхом изыска, но не для меня. Почему-то возникла ассоциация с борделем.

Баронесса Розен выглядела как патентованная старомосковская барыня. Невысокая, с маленькими ручками, полная женщина со следами былой красоты, спасовавшей перед чревоугодием. Она сидела в кресле в шелковом капоте с высоким испанским кружевным воротником, укрыв волосы небольшим домашним чепчиком из тех же кружев. Ни следа драгоценностей, зато спесь читалась в каждом ее жесте. И в манере цедить слова по-французски.

На меня внимания не обращала. Хан-Гирей довольно бойко изъяснялся на языке Вольтера, то и дело кивая в мою сторону. Видимо, излагал суть моей проблемы. Я уловил имена Торнау, Дадиани, Вольховского и Засса.

Наконец, до меня снизошли.

— Я слышала про вас, – перевела на меня взор холодных, ничего не выражающих глаз немолодая аристократка. – Муж лично распорядился, чтобы князь Дадиани взял вас в свой полк. За вас просили из Царьграда.

Я понял, что ответа от меня не ждут.

— Как понимаю, французский вам не знаком?

— Только английский, Ваша Светлость, – решил я раскрыть рот.

— Вам следовало тогда искать общества графа Воронцова, – хмыкнула баронесса. – Он известный англоман.

— Я знаком с его Светлостью, – зачем-то прихвастнул я. – Дозволено ли мне будет изложить еще одно обстоятельство?

Последовал царственный кивок без малейшей примеси интереса.

— Коль вашей Светлости будет угодно войти в мое положение, просил бы еще об одной милости. Если можно так выразиться, в комплекте с мадемуазель Саларидзе идет алжирский пират. Он ее телохранитель. На вид страшен, но вернее человека мне не сыскать.

Впервые в глазах баронессы промелькнула искорка любопытства.

— Настоящий алжирский пират?!

— Еще и немой. У него язык отрезан.

— Мон дьё! Я должна это увидеть! Муж поручил мне способствовать объединению русского и грузинского обществ. Но дело идет туго. Грузинские царевны и царевичи не спешат расставаться со своим прошлым. Быть может, появление столь колоритной парочки внесет некоторое оживление в наши вечера? Грузинская дворянка и мавританский убийца! Подумать только! C'est très romantique. Сегодня вторник. Как обычно, я принимаю. Приводите своих протеже. Я готова на них взглянуть. Лакеям я распоряжусь!

Мы поняли, что аудиенция закончилась. Собрались раскланяться и удалиться. Но нас прервали. В зал вошел среднего роста офицер. Полковник с флигель-адъютантским аксельбан-

том. Я догадался, что это князь Дадиани. Его кавказская внешность, глаза слегка навыкате и чуть смуглая кожа недвусмысленно свидетельствовали о кавказских корнях.

Он обменялся кивками с князем Султаном и затеял обмен репликами с тещей на французском. Неожиданно обрушился на меня:

— Как унтер-офицер моего полка мог позволить себе явиться во Дворец в столь похабном виде?! Где мундир?! Почему с бородой?! Немедленно в Манглис, в казармы полка, и носу оттуда не казать!

— Успокойся, Александр Леонович! – вмешался князь Султан. – Во-первых, не унтер, а прапорщик. Барон Розен изволили пожаловать. Во-вторых, обер-офицер прикомандирован к секретной части и готовится к ответственной миссии. Вот любишь ты, не разобравшись, кидаться в атаку. У Паскевича научился, пока при его штабе служил?

Дадиани запыхтел, как бык, выпускающий пар. Покраснел.

— Не дело так службу начинать! В любом случае, изыщите время посетить полковую канцелярию. В корпусном штабе найдете полкового адъютанта Золотарева и отправляйтесь с ним в Манглис, – Хан-Гирей попытался снова вмешаться, но Дадиани замахал руками. – И слушать не желаю!

Он резко развернулся и выбежал из зала. Хан-Гирей только развел руками.

… От Дворца наместника до штаба на Эриванской – рукой подать. Бог миловал, дождей за прошлую неделю не было, как и риска утопить в грязи наши чувяки. Шли с Хан-Гиреем молча. Каждый думал о своем. Я – о том, как ловко подцепил на крючок баронессу. Теперь лишь оставалось уговорить Бахадура побыть в роли Петрушки.

— Вон нужный вам адъютант! – прервал мои размышления Хан-Гирей, указывая на офицера в темном парадном мундире вместо летнего белого холщового кителя, в белых панталонах и кивере в форме высокого ведерка, украшенного смешным помпоном. На огромном медном двуглавом орле на кивере красовалась цифра 4. Полковник его окликнул. – Поручик Золотарев!

Офицер, приложив два пальца к козырьку и придерживая полусаблю на боку, почти бегом подбежал к нам и отрапортовал. Его широкое веснушчатое лицо с курносым носом и белокурым чубчиком светилось каким-то юношеским озорством и необычайно к себе располагало.

Хан-Гирей меня представил и передал поручение князя Дадиани. Особо подчеркнул, чтобы меня в полку не задерживали ни на одну лишнюю минуту.

— Исполним в лучшем виде, господин полковник! – серьезно уверил нас поручик, но не удержал на лице и на десять секунд строгую мину. Снова разулыбался и обратился ко мне. – Господин прапорщик! Как насчет ночной езды, чтоб не по жаре добираться до полкового штаба? Устроим скачку на интерес?

— Золотарев в Тифлисе известен как заправский наездник. Даром что из гренадер! – усмехнулся князь Султан. – Готовы к пари, Константин Спиридонович?

— Отчего бы и не попробовать? – я не нашел причин для возражения.

— Берегитесь! – рассмеялся Золотарев. – Супротив моего белого «араба» мало кто устоит!

У меня был козырной туз в кармане в виде двух кабардинцев. Пусть жокей из меня – так себе, но скачка на приличное расстояние одвуконь – явный гандикап. Поручика ждал сюрприз!

— По полста ассигнациями?! – невинно предложил хитрый поручик.

— Откуда ж такие деньжищи у новоиспеченного офицера? – укорил его князь. – По десятке будет довольно!

— Принимается! – радостно вскричал Золотарев и залихватски тряхнул своим кивером, торчащим на добрых полметра. – Жду вас здесь, у входа в штаб, за два часа до полуночи!

Мы распрощались с полковым адъютантом и прошли в штаб. Двинулись сразу к столу формулярных списков. Но меня перехватил чиновник из наградного отделения.

— Прошу прощения, господин юнкер! В прошлый раз мы вас на смех подняли, когда вы про ордена спросили. Оказывается – зря! Вот газета, в коей напечатан именной указ о награждении вас орденом Святого Станислава 4-й степени. От души поздравляю! – чиновник протянул мне газету.

Штаб-офицеры загомонили, присоединяясь к поздравлениям. Вполне искренне и подружески. Хан-Гирей не удивился. Он догадался, откуда дровишки в виде высокой награды.

— Как мне получить орден? – поинтересовался я.

— Ну, не в штабе же! – ответствовал чиновник. – Грамота и орденские знаки низшей степени согласно орденского статута 1829 года выдаются одним из членов Кавалерской Думы. За неимением оного в месте службы награжденного такая обязанность может быть возложена на любого кавалера, имеющего высшую степень ордена. Ваш случай счастливый. Полковник Дадианов – не только ваш начальник, но и кавалер ордена 2-й степени. Ему вас и награждать. И проследить за взысканием денег на дела богоугодные.

— Как так? – удивился я. – За награду следует платить награжденному?

— Были бы вы азиатцем, на службе не состоявшим, платить не пришлось бы. А коли вы на службе, извольте с первого жалования отправить почтою пятнадцать рубликов, добавив страховые. Не великая цена за потомственное дворянство и возможность малолетнюю дочку пристроить в Мариинский институт на воспитание за казенный счет. Впрочем, к чему мне все вам рассказывать? Получите орден с грамотой, а с ним и экземпляр Статута, где все прописано.

Мое посещение штаба корпуса можно было назвать визитом с сюрпризами. Не успел я отойти от новостей об ордене, на меня свалились новые неожиданности. Военный чиновник из формулярного отделения на них не скупился. Как только Хан-Гирей передал ему распоряжение командира Корпуса о производстве меня в офицеры, он тут же выдал:

— Его Сиятельство зря утруждались! Как Варваци нас посетить изволил, проверил я его формуляр. Юнкер проходил по спискам в качестве вольноопределяющегося из студентов-иностранцев. Стало быть, относится к первому разряду, коему полагается производство в офицеры через шесть месяцев службы без экзаменов и назначение в свои полки сверх вакансий по удостоению начальства.

— Что есть вакансия, позвольте полюбопытствовать?

Чиновник удивленно вскинул брови.

— Не знаете?! О! Отныне вакансия и выслуга станут для вас Альфой и Омегой всей службы. Поясню на примере. Допустим, вы отслужили положенное число лет и достойны следующего чина. Но свободной вакансии в полку нет. И, получается, вам остается или ждать, пока освободится место, или переводиться в другой полк.

— Полагаю, на Кавказе проблема с вакансиями стоит не так остро, как во внутренних губерниях, – намекнул я на убыль офицеров в стычках с горцами.

— С этим не поспоришь, – вздохнул чиновник и встрепенулся. – Вот еще, что забыл добавить. Строго по форме вы пока еще не офицер. В Инспекторский Департамент военного министерства отправим уведомление о производстве. Как он одобрит и приказ издаст, так и станете офицером.

— Выходит, мне в полковую канцелярию нет смысла мчаться?

— Отчего же? Здесь, на Кавказе, все попроще. Формальностей по возможности избегаем. Вам, наверное, в диковинку слышать такое от чиновника формулярного отделения? – улыбнулся мой визави. – Недаром прозываемся Отдельным корпусом! У нас привыкли руководствоваться военной необходимостью, а не внешней стороной дела. В последнюю войну Его сиятельство граф Паскевич изволили высказаться неодобрительно о вашем полку. И что ж? Лучшим оказался в боях! И командующий это признал! Что ж до обязательных формально-

стей, от коих не уклониться... Вам стоит, помимо полкового штаба, посетить, чтобы представиться, всех начальствующих в городе, как только мы получим приказ о вашем назначении. А вот с визитом в военную полицию я бы не рекомендовал затягивать.

— В полицию?

— Так у нас называется жандармское отделение, – с намеком сказал чиновник.

— Держите ваши подорожные. Я уже обо всем позаботился! – прервал наш интересный диалог Хан-Гирей, протягивая мне пачку бумаг, и с намеком мне подмигнул. – Там найдете и проездные документы до известного вам пункта назначения.

Я понял, что он говорил о Прочном Окопе. За всей этой суетой как-то позабылось главное: мне снова предстояла опасная миссия, где ставкой будет не только моя жизнь, но и голова штабс-капитана Торнау. А еще знакомство с «голубыми мундирами»!

… Иван Антонович Казасси, глава всей закавказской секретной военной полиции, попал в жандармы из драгун. Из майоров в короткий срок забежал в полковники, хотя ничем похвастать не мог. Главный тифлисский «фээсбешник», невысокий и кривоногий, крайне болезненного вида итальянец, чей папенька блистал в составе Петербургской балетной труппы и имел свой театр, был до крайности экспрессивен и в выражениях не сдерживался. Обо мне, как оказалось, он был наслышан и считал чуть ли ни своим коллегой.

— Вам, господин прапорщик, трудно представить, в сколь идиотском положении я пребываю с момента вступления в должность. Вместо того, чтобы создать нормальное жандармское управление, придумали секретную полицию. Три раза баста паста! Гласная, то есть всякому известная, но секретная! Военная, но из жандармских штаб-офицеров состоящая! Как это понимать? Четыре года в должности, но так и не домыслил! Придумали для агентов мудреное название – «фрачная полиция», а фондов на ее содержание так и не выделили, как и фраков.

Я пожал плечами. Хочется человеку выговориться – пускай его болтает! Могу и послушать.

— Граф Паскевич, прародитель нашей команды, мыслил следующее. Надобно так устроить секретную полицию, дабы она любое внутреннее зломерение пресекала на корню и агентов своих имела как в крае, так и заграницей. И средь горцев. И что же? Людей не хватает даже за иностранцами уследить. О чем болтают промеж себя офицеры? Вольнодумства всякие…

— Полагаю, ваше превосходительство, что среди горцев, в круг которых я проник, вольнодумством не пахнет, ибо даже слова такого не знают.

— Смейтесь, смейтесь… Барон Розен тоже так думал. А потом – баста паста! Заговор грузинской знати!

— Разве ту оперетку можно назвать заговором?

— Самый злоумышленный заговорщик, царевич Окропир, жизнь вел весьма примерную, в кругу семьи. И рассуждал всегда здраво… Есть, чему удивляться. Но пригляд мне поручен. Хватает на Кавказе и без грузинских князей людей, одаренных способностями и талантом, но замешанных в нехороших делах. В тех же событиях декабря 25-го года. И следует благовидными мерами не допускать молодых офицеров к сближению или сношениям с подобной публикой.

Ну, все понятно! Во все века, при любом режиме, тайная полиция будет бороться с внутренними заговорами. Действуя подчас топорно и глупо. И получая за это очередные звания. Дело, впрочем, хоть и грязное, но нужное. С этим не поспоришь.

— А как обстоят дела с иностранными шпионами? Не из праздного любопытства спрашиваю. Не хотелось бы, чтобы англичане или горцы узнали о моей роли.

— Из всех иностранцев местных самые опасные – это Граф Ротти-Мантон, французский консул в Тифлисе, и начальник его канцелярии Эме Ривуар. Бойкие господа! Много корреспонденции в Париж отправляют. Потому попрошу избегать посещения ресторации Матасси.

Любят французы там бывать. Разговоры заводят среди клиентов. А как пресечь? Иммунитет! Тифлисское консульство – удобный наблюдательный пункт за всем Кавказом. Этого у него не отнять.

Все в этом мире повторяется. И шпионство под дипломатическим прикрытием уходит в глубину веков. Но какое мне дело до французов? Через два-три дня покину Тифлис. Меня ждут совсем другие игры.

От Казасси не укрылись мои тайные вздохи.

— Об азиатцах своих думаете? Подлый народец со своим пониманием общей пользы. Вместо содействия властям вступают с нами в отношения, дабы навредить или погубить врага своего. А наши кавказцы? – Казасси презрительно скривил губы. – Где мне сыскать людей благонамеренных, испытанной скромности и ни в каких пристрастиях или пороках не замеченных, как то предписывает инструкция? Может, перейдете ко мне на службу?

Я удивленно на него взглянул. Ему ли не знать о совсем непростых поручениях, которыми меня грузит начальство.

— Не отвечайте, господин прапорщик. Не торопитесь. В жизни всяко может повернуться. Я вам про наши трудности наговорил с три короба. Но все меняется. Дай бог, до конца года превратят нас в шестой округ Корпуса жандармов. А это, знаете ли, – перспективы!

Копаться в бумагах покойного Марлинского? Составлять списки посетивших пятигорские воды? Расследовать грязные делишки местных чиновников? Боже спаси меня от такой перспективы! И сохрани от гнева царицы Тамары!

Как я ни оттягивал сей тягостный момент, но делать нечего. Пришла пора возвращаться к колонистам и подставлять шею. Может, вспомнит невестушка, что повинную голову меч не сечет? Мне же нужно как-то убедить Тамару: А) отложить свадьбу; Б) превратиться в воспитанницу баронессы; В) отпустить меня в смертельный поиск по землям черкесов. Как тут уберечься от рукоприкладства, я себе не представлял.

Глава 2. Бахадур: раджа или падишах?

Какие бы варианты своего поведения и рассказа о сложившихся обстоятельствах я ни просчитывал по дороге на квартиру, все они заканчивались для меня печально. Страшного гнева грузинки и просто гнева алжирца мне было не избежать. Утешая себя "чему быть, того не миновать", вошел в дом. Заглянул к Бахадуру. Тот опять дрых. Вот, умеют же люди столько спать! Вежливо растолкал его. Сейчас вежливость была моим единственным оружием. Попросил (!) его пройти в нашу комнату. Бахадур, протерев глаза, шлёпая босыми ногами по полу, зашагал за мной. Я, как мне казалось, принял вполне безразличный вид. Мол, всё под контролем! Постучался в нашу с Томой дверь, предупредив, что Бахадур со мной, на случай, если она дезабилье. Тамара быстро подбежала к двери, распахнула её, бросилась мне на шею, впилась в поцелуе.

— Ну как? – спросила, когда удовлетворилась.

— У меня пара хороших новостей для вас обоих и пара не очень хороших! – ничего умнее не придумал. – С каких начать?

Тамара напряглась. Пока она соображала, каким новостям отдать предпочтение, сказал то же самое Бахадуру на турецком. Алжирец отреагировал равнодушно. Типа, на моё усмотрение.

— Я устала от плохих! – решила Тамара. – Чем обрадуешь?

Я рассказал про орден, звание и дворянский титул. Тамара, выслушав, на пару секунд оказалась в известном состоянии, когда "в зобу дыханье сперло". Потом радостно вскрикнула, опять бросилась мне на шею. Не впилась. Начала осыпать поцелуями.

— Я знала, знала, – приговаривала при этом, – что у нас все получится! Господи, спасибо, спасибо!

Наконец, успокоилась. Вспомнила про ложку дегтя.

— И какие могут быть при этом плохие новости?!

Я вздохнул. Все изложил. Что и ордена, и дворянства ещё нужно дождаться. Но это – ладно. Мне нужно сначала отъехать в Манглис. И это, в общем, не беда. Тут моя грузинка затаила дыхание, понимая, что сейчас очередь последнего гвоздя. Я и вбил его, сообщив, что мне нужно по приказу вышестоящего начальства на некоторое время отлучиться к черкесам. Об опасности этой отлучки говорить не имело смысла. И так было понятно, что мне предстояла отнюдь не увеселительная прогулка.

Тамара задумалась. Я ждал. Отвлёк Бахадур, потребовавший, чтобы и его ввели в курс дела. Я быстренько всё ему изложил. Он опять воспринял новости, как должное.

— Ты солдат. Офицер, – заговорила Тома. – Ты должен исполнять приказы. Я понимаю. Меня интересует только одно: когда мы поженимся?

— Любовь моя, свадьбу придется отложить до моего возвращения. Проблема, ведь не только в том, что мне нужно к черкесам.

— Что-то еще?!

Тут я выложил ей "главу" про согласие родственников или опекуна.

— А это ты как собираешься решить? – Тома растерялась.

— Ну, ты же хотела учить французский? Полонезы с мазурками?

Тамара кивнула. Мысленно я себя хвалил за то, что, как, оказывается, удачно выстроил разговор. Тамаре сейчас было не до гнева. Она по-прежнему пребывала в растерянности. Ждала от меня только одного: чтобы я ей указал путь к выходу из этого лабиринта.

— Тогда, собирайся. Сейчас заглянем к сапожнику, закажем тебе туфли. А потом пойдём к баронессе Розен. Она ждёт нас.

— Для чего?

— Будешь у неё воспитанницей. Ты должна настолько её очаровать, чтобы она согласилась стать твоим опекуном и дала разрешение на наш брак! Насколько я тебя знаю, для тебя задача – плёвая. Справишься?

Нет, я решительно блестяще выстроил беседу! Уж мне ли не знать те струны, которые заставляли мою грузинку сразу принимать боевую позу?! Её честолюбие! Её уверенность в своих силах! Она саму мадам Тамамшеву на платье развела за минуту! Что ж она, с баронессой не справится?! Тем более, когда речь идёт о её свадьбе! Да она, если понадобится, за такое и десяток баронесс с собой в церковь приведёт на венчание!

Тамара, как я и ожидал, хмыкнула. Она уже видела цель и уже шла к ней!

— А ты сомневаешься?!

Я и не сомневался, что именно такой вопрос она мне задаст. Вместо ответа я притянул её к себе.

— Вот мой ответ! – сказал ей и поцеловал.

От поцелуя нас отвлек Бахадур. Мы отлипли друг от друга. Посмотрели на него.

— Что насчёт меня? – справедливо поинтересовался он.

— Да, да! – И Тамаре было любопытно.

— Ты остаёшься с Тамарой.

— Почему? – удивился алжирец.

Я вздохнул.

— Как почему?! Я должен быть спокоен и уверен, что она будет под присмотром. Что никто не посмеет ей угрожать!

Перевёл Тамаре в надежде получить одобрение. Тома не купилась.

— А, во-вторых? – улыбнувшись, спросила девушка-рентген.

— Баронесса, как узнала про Бахадура... Чуть из кресла не выскочила! Ах, пират! Ах, я должна его увидеть!

Тома, выслушав, начала закусывать губу. Первый признак, что она сейчас не удержится и начнёт хохотать. Я вытаращил глаза, призывая её сдержаться. Бахадур уже требовал от меня перевода. Я ему выложил. Честно сказал, что его будут воспринимать поначалу, как экзотику, диковинку... Договорить не успел. Грузинка-таки не удержалась. Я шикнул на неё. Без толку. Посмотрел на Бахадура, ожидая его справедливого гнева.

Но алжирец неожиданно поддержал грузинку. Тоже начал смеяться. Я растерялся.

— Ты не обиделся?!

— Я тебя умоляю! Подумаешь! Пусть старая карга позабавится! Если это позволит вам пожениться! Мне плевать!

Примерно так я понял жестикуляцию благородного пирата. За абсолютную точность ручаться не мог. Но его финальное изображение плевка не оставляло сомнений в том, что Бахадур не обиделся. А за наше – Тамарино, в первую очередь – счастье он спокойно переживёт прихоть знатной дамы.

— Спасибо, дорогой! – Тамара бросилась обнимать Бахадура.

Алжирец расцвёл в улыбке. Кажется, для него это была высшая награда. Мою благодарность и объятия он уже воспринял спокойно.

— Фуф! – выдохнул я. – Тогда собирайтесь! Быстро, быстро! Времени в обрез!

Грузинка и алжирец бросились исполнять мой приказ. Но прежде Бахадур потребовал окончательно расстаться с повязкой. Руки уже в норме – так мы поняли его энергичный жест.

Шли быстрым шагом на Армянский базар. Тамара надела новое платье. Но без мантильи. Укуталась в белое покрывало. Меня это даже обрадовало. Только на второй день пребывания в Тифлисе мне пришла в голову очевидная мысль: а вдруг кто-нибудь её узнает? А у неё сейчас положение, в общем, аховое! В такой ситуации и не нужно, чтобы братья распускали про неё слухи. Хотя, был уверен, что они прониклись моим предупреждением и делать этого не будут.

Да и им самим тишина сейчас куда выгоднее, чем позорный скандал. Так что с их стороны подвоха не ждал. Но вот если какая-нибудь тётка, подруга детства... Да не важно кто! Зная нравы тифлисского общества, можно было не сомневаться, что максимум через полчаса весь город будет знать о таком вопиющем факте! Я настолько накрутил себя, что поневоле стал оглядываться, пытаясь уловить взгляды проходящих людей, чтобы найти в них вспышку узнавания!

— Успокойся ты уже! – неожиданно усмехнулась Тамара.

— Ты о чём? – я принял индифферентный вид.

— Никто меня не узнает! – моя грузинка, как всегда, попала в точку. – А будешь так глазеть на людей, точно кого-нибудь накаркаешь!

— И почему ты так уверена? – я не стал отнекиваться. Признал её снайперское попадание.

— Коста! Мне было двенадцать лет, когда нас отсюда выслали. И братья меня держали взаперти. Никуда не пускали. Разве, что на крышу дома. Потанцевать. И кто, по-твоему, сможет меня узнать?

— Да. Ты права.

— Ты хотел добавить: как всегда, любимая! Не так ли?! – Сейчас были видны только её озорные глаза.

— Ужо, ты у меня однажды допрыгаешься! – я рассмеялся. – Ох, я тебе всыплю!

— Жду не дождусь! – хохотнула моя грузинка.

Про танцы на крыше до вчерашнего вечера не знал. Когда возвращался на съемную квартиру, увидел впервые. Восхитился. Видимо из-за скуки и тотальных запретов для правильных тифлисских девушек это было одним из немногих доступных для них развлечений. Действительно, выходили на плоские крыши домов и танцевали, сами себе подыгрывая на бубне или зурне. Картина была впечатляющей. Плавно и красиво двигающиеся силуэты в лучах заходящего солнца!

— Хотя! – некое сомнение в голосе Тамары заставило меня дернуться. – Пока все не решится, лучше мне по четвергам не ходить к Святому Давиду. Тут ты прав!

Я вспомнил рассказ Вано об этом обычае. Когда почти все женское население Тифлиса по четвергам идет поклониться могиле Давида. Идут, сняв обувь. Просят у святого, что кому нужно: девицы – суженого, бездетные – ребенка, беременные – счастливого разрешения. Еще помнил, что все накрываются белыми чадри. И поэтому напоминают большую стаю белых лебедей!

"Обязательно нужно увидеть такую картину!» – решил я, когда мы входили в лавку Мнацакана.

Поприветствовали друг друга как старые друзья. Портной быстро оторвался от объятий. Было видно, как его снедает любопытство! Он хотел видеть ту женщину, которая за пару минут уговорила знатную армянку отдать ей платье. И он хотел видеть того "безъязыкого", от встречи с которым я предупреждал его. Почти предостерегал.

Тамара без долгих предисловий сразу его восхитила. Грузинская лиса с воодушевлением поблагодарила армянского лавочника за платья. Присовокупила, что таких красивых нарядов у неё в жизни не было. Мнацакан был польщён. В свою очередь заявил, что в первый раз видит девушку, провернувшую такую неслыханную операцию. И выразил надежду, что Тамара в его платьях затмит весь Тифлис! В общем, и грузинка, и армянин остались довольны друг другом. Пример разумного межнационального общения!

После этого Мнацакан с некоторой опаской начал разглядывать Бахадура. Алжирца я попросил не выкидывать свои обыкновенные коленца и не пугать мирного лавочника. Бахадур внял моей просьбе. Стоял спокойно, позволяя Мнацакану сканировать себя. Чем дольше тифлисский Ив Сен -Лорян разглядывал Бахадура, тем больше росло его удивление. Было очевидно, что он не понимает, с какой стати его пугали почти милым чужеземцем?! Мнацакан

в недоумении повернулся ко мне. Тут-то Бахадур и не выдержал! Все-таки у него было своеобразное чувство юмора! Он издал свой обычный наждачный гортанный звук и открыл рот в широкой улыбке. Здесь-то Мнацакана и проняло! Настолько, что на мгновение забыл родной язык! В качестве восклицания использовал грузинское "вай мэ!". Отшатнулся. Мы не удержались. Рассмеялись. Я тут же бросился успокаивать Мнацакана. Он выдохнул, пришел в себя. Тоже начал смеяться над своей реакцией и почти детским испугом.

— Подловили, подловили! – признался он, погрозив нам пальцем. – Ладно, пойдёмте! Дядя ждёт!

Оставил сына на хозяйстве. Повёл к своему дяде Араму, которого я про себя уже называл "Микич". С десяток раз пересматривал телевизионную версию товстоноговской "Ханумы". Настолько обожал этот спектакль. Не раз и не два спасавший меня от хандры и плохого настроения. Поэтому ничего с собой поделать не мог.

С "Микичем" до поры все было тоже без эксцессов. Познакомились. Бахадур его не стал пугать. Сразу перешли к делу. Ну, как сразу... Поначалу Тамара не удержалась, бросилась к полкам, на которых стояла уже готовая обувь. Женщины во все времена – женщины. Стала охать и ахать! "Микич", видимо, уже знавший о таланте грузинской девушки перебивать готовые заказы, сразу предупредил, что эта обувь не продаётся! Тамара успокоила его. У них завязался оживлённый диалог. Стали выбирать модели. Минут через пять беспрерывного щебетания Тамары, изредка прерываемого односложными "да" и "нет" "Микича", определились с фасоном и цветом будущей обуви царицы. Можно было начинать делать мерку. Тома положила свою узкую маленькую ножку на лист бумаги. "Микич" обвёл контур. Потом измерил подъём и объём стопы. Схватил свой короткий сапожный нож...

Тут-то, конечно, Бахадур ожил. Начал внимательно следить за действиями "Микича". Он настолько пристально, не отрывая взгляда и почти не мигая, смотрел на сапожника, что "Микич" поневоле это почувствовал. Бросил один взгляд на Бахадура. Продолжил работу. Алжирец не унимался. "Микич" бросил второй взгляд. Потом третий. Потом понял, что не может работать в такой обстановке. Перевёл растерянный взгляд на меня.

— Арам! Не волнуйтесь! Бахадура на этом свете интересует только одна вещь: ножи! А такого, как ваш, он еще не видел. Поэтому так смотрит.

"Микич" выдохнул. Улыбнулся. Протянул нож алжирцу.

— Хочешь подержать?

Бахадур обрадовался, как ребёнок. Часто закивал. Чуть склонив голову в знак благодарности, взял нож. Повертел в руках. Проверил баланс. Пару раз подкинул. Начал оглядываться. Я вздохнул. Опять, блин, ему нужна проверка!

— Извините, Арам! Куда он может метнуть нож? – не стал я ходить вокруг да около.

Но и "Микича" и Мнацакана вопрос не испугал. Им стало интересно. "Микич" огляделся.

— Сейчас! – сказал уже несколько возбуждённо..

Бросился в дальний угол лавки-мастерской. Убрал там с полок кучу заготовок.

— Сюда может!

Бахадур показал мне, чтобы "Микич" наметил точку.

— Ва! – "Микич" восхитился. Указал.

Бахадур метнул.

— Ва! – теперь воскликнули дядя и племянник хором.

Мы с Тамарой только улыбнулись.

— Ну что? – спросил я Бахадура.

— Неплохой! – "отвечал" он мне. – Но только на близком расстоянии.

— Хочешь такой?

— Да.

— Надеюсь, не десять?

— Хватит четырёх! – улыбнулся Бахадур.

— Арам! Можно ли обеспечить его четырьмя такими ножами? Я, конечно, заплачу.

— Конечно! За обувью придете, и ножи будут готовы!

— Когда приходить? – Тамара прервала наши мужские игрища.

— Для вас, уважаемая, за неделю справлюсь! И ваша колодка теперь все время будет у меня стоять на той полке! Так что, как только захотите еще пару-другую, заходите. Скажете пожелание, я изготовлю!

— А сапоги новоиспеченному офицеру русской службы? – показала на меня Тамара.

— Генеральские!

Под это торжественное обещание мы покинули обувную лавку "Микича", чтобы направиться на прием к баронессе.

Тамара скептически меня оглядела.

— Ты в таком виде к баронессе на прием собрался?

Я лишь хмыкнул, хотя вопрос был более чем уместен. Что только не пережила моя охряная черкеска, впитавшая в себя пороховую гарь, дым бивуака, брызги крови врагов и друзей, слезы Тамары и пот моих странствий! По странной иронии судьбы, она нигде не порвалась. И огонь ее пощадил. Ни дождь, ни воды горных рек с ней не справились. Два бешмета уже поменял, а черкеска уцелела. Пообтрепалась и превратилась в одежду, достойную бывалого воина. На фоне расфуфыренных кавалеров на приеме у баронессы я буду выглядеть волком в стаде овец.

Так оно и вышло. Когда баронский лакей вел нас сквозь толпу щегольски одетых господ, люди расступались и с недоумением оборачивались. Наше колоритное трио одним своим появлением вызвало пересуды.

— Барыня с террасы уже ушли, – пояснил лакей, – и ныне сидят в дамском зале.

Большая комната, в которую гостей мужского пола не звали, была заполнена чепцами всех возможных форм и расцветок. Они, эти удивительные головные уборы, создавали вдоль стен зала нечто вроде волны. Она вздымалась то «мельничными крыльями», то цветочной клумбой, то прозрачной бабочкой, зачем-то угнездившейся над «виноградными гроздьями» и «улитками», которые обрамляли виски дам всех возрастов. Это первое, за что цеплялся взгляд, и его было сложно перевести на что-то другое. Даже на редкие вкрапления островков из черных мантилий грузинок.

Слово «чепец» – какое-то легкомысленно-домашнее. Здесь же наблюдался совсем другой коленкор. Произведения искусства, творения эльфов – вот, что приходило на ум при взгляде на эту ярмарку тщеславия, питаемую извечным женским соперничеством. И слезами мужей, которым приходилось покрутиться ради совершенства супруги. Вплоть до воровства казенных денег.

Баронесса в этом соревновании не участвовала. Ее чепец был скромен, даже уродлив и нисколько ей не шел, подчеркивая ее толстые щеки. Черное бархатное платье с открытой шеей, слегка прикрытой газом, украшал двойной бриллиантовый шифр на муаровой ленте с вензелем «ЕМ». Рядом сидели мощного сложения дама и дочки-дурнушки Розенов, унаследовавшие от маменьки не былую красоту, но маленькие пухлые ручки. Их прически украшал не вычурный «узел Аполлона», а простой вертикальный пучок.

Елизавета Дмитриевна появление Тамары и моё проигнорировала. Ее глаза не отрывались от Бахадура, от его ярко-синих глаз на темном лице, прорезанном морщинами.

— На араба не похож, – констатировала она.

— Скорее, он бербер, – подтвердила ее соседка, та самая Катерина Николаевна из пансиона благородных девиц, судя по комплекции и проявленной образованности.

Дамы в зале прекратили активно работать веерами и языками. Наступила тишина.

— Он так опасен? – соизволила, наконец, обратиться ко мне баронесса.

— Ваша Светлость! Укажите предмет в комнате, который не жалко. Бахадур покажет.

— Его зовут Бахадур? Какая прелесть! Вот та гравюра на стене, – указала Елизавета Дмитриевна, – она меня бесит!

— Бахадур! Картина на стене! Пять ножей! Только прошу: не улыбайся!

Алжирец проигнорировал мою просьбу и ощерился, вызвав дружный вздох в зале. Его руки стремительно замелькали, и пять ножей образовали в гравюре нечто вроде звездочки. Вздох повторился.

Я присоединился к нему, но по другой причине.

«Если верить сказкам «Тысяча и одна ночь», женщин привлекают калеки. Не то их манит материнский инстинкт, не то – извращенные фантазии. Все, Бахадур, ты пропал! Или ты, сволочь этакая, на это и рассчитывал?!»

— Вы к нему по-турецки обратились? – осведомилась у меня баронесса.

— Да, Ваша Светлость! Но Тамара как-то умудряется доносить до него свои желания на грузинском.

Баронесса перевела взгляд на Тамару.

— Настоящая грузинка? Никак не избавится от старых привычек? – Елизавета Дмитриевна умела жалить.

Я перевел своей царице слова баронессы. Тамара вдруг резким движением скинула чадри, быстро его сложила и сунула в руки Бахадуру. Непонятно откуда выхватила мантилью и пристроила на своем плоском головном уборе, закрепив заранее припасенной булавкой. Эта чертовка проделала все так четко и быстро, что сомнений не оставалось: тренировалась!

В зале раздались одобрительные возгласы и смешки.

Баронесса внимательно разглядывала Тамару. Та скромно потупила глазки, хотя – ни секунды не сомневался – мечтала на меня победно взглянуть!

— Шарман! – подвела итог своих гляделок кавказская наместница. – Постой пока, девочка, у стены. Тобой мы займемся позже. Вернемся к нашему берберу. В чем ходят на его родине?

— На палубе корабля он разгуливал в феске, Ваша Светлость.

— Феска – это скучно!

Я понял, что баронесса уже приняла решение и Тамару берет. В комплекте с пиратом.

— Как же мне его нарядить? – мечтательно спросила всех дам. Глаза ее горели.

Весь зал оживленно затараторил по-французски.

— Спросите его, – обратилась ко мне Елизавета Дмитриевна, – какие головные уборы носят на его родине?

Я перевел. И поставил Бахадура в тупик. Жестов на подобный случай мы не придумали.

Вдруг его осенило. Он подошел к одной из дочерей баронессы, ткнул пальцем в ее пучок на голове. Переместил палец на свою голову. Затем показал, что чем-то ее обматывает.

— Все понятно! – догадалась баронесса. – Колпак и чалма. Не интересно. Как одеваются турецкие капитаны-пираты? Вы их видели? – спросила меня.

— Много раз, Ваша Светлость! Последний носил большой оранжевый тюрбан, красную куртку, синие шальвары и желтые туфли без задников и с загнутыми носами.

— Четыре цвета – это перебор. Но тюрбан… – мечтательно протянула она. – Я носила в молодости такой. Из легкой воздушной ткани с султаном, прикрепленным бриллиантовой заколкой. Это было божественно! Вы можете нас покинуть, – милостиво кивнула мне, отправляя восвояси.

Выходя из зала, я шепнул на прощание Бахадуру.

— Проводишь домой Тамару! Я вернусь завтра или послезавтра.

Он пожал плечами: мог бы и не спрашивать.

Пока все, вроде, складывалось удачно. Вопрос с Тамарой решен. Лишь бы Бахадура не затискали, как щенка. И выбрали бы ему такой головной убор, когда тюрбан на человеке, а не человек в тюрбане, как у некоторых сикхов. Сделают из него или индийского раджу, или восточного падишаха. Но он и с этим справится. Я уверен. Мне же стоит подумать не о капризах баронессы, а о том, как выдержать ночную 60-километровую скачку.

Глава 3. О, женщины, вам имя «я хочу»!

К зданию штаба на Эриванской я подъехал, ведя в поводу запасного коня. Этого открытия Золотарев не пережил. Его конь был хорош. Да что там говорить – просто великолепен. Все-таки чистокровный арабский скакун! Но против двух кабардинцев – не боец.

— Так и знал, что Хан-Гирей какую-нибудь бяку мне устроит! Где он? Прячется на каком-то балконе у своих приятелей, чтобы от души посмеяться?

— Успокойтесь, господин поручик! Никто ничего не подстраивал! Это мои кони. Тот, на котором я сижу, – подарок владетеля Абхазии. А второго я купил у черкесов. И не нужно печалиться: пари отменяется!

— Правда? – как-то по-детски удивился Золотарев. К его внешности типичного русака такое поведение удивительно шло. – Тогда по рукам. И давай, как товарищи по полку, на «ты» и по именам. Василий! – представился он.

— Коста!

— Ты грек? – он не удивился. – В полках много офицеров-греков служит. Но поляков – намного больше.

Вася оказался редким болтуном. Поскольку особо спешить было не нужно, но и задерживаться сверх меры не стоило, выбрали средний темп. Ехали стремя в стремя. И всю дорогу поручик развлекал меня разговорами, то и дело перескакивая с темы на тему.

— Полк – как большая военная колония, – рассказывал он мне. – Все своими руками. И здание штаба с казармами, и мясной приварок к питанию, и огороды, и стада… Одно слово – Кавказ. Ввели нам форменные овчинные шапки. Не хотят в них солдаты ходить. Летом жарко. Что делать? Пошили фуражки своими силами. Полушубки на зиму? Опять своими руками.

— А мундирную пару мне можно пошить? И сапоги?

— Отчего ж нельзя?! И портные, и сапожники найдутся. В инвалидной роте хватает умельцев. И в строевых ротах есть свои мастера. Я же говорю – колония.

— Я под деревней Вани встретил рекрутов, бредущих на винокуренный завод. Отчего они как бродяги выглядели?

Золотарев остро взглянул на меня.

— Про завод лучше помалкивай. Там у полковника свой интерес.

— Я не из болтливых!

— Оно и видно – человек бывалый. Хотел бы я так запросто брякнуть: купил у черкесов! – Вася расхохотался и пришпорил коня.

Пару километров гнали, пользуясь ровностью дороги и ярким лунным светом. Золотарев заметно оторвался. У въезда в лес притормозил. Дождался меня. Его посадке на лошади могли позавидовать и черкесы, настолько прямая у него была спина. В отличие от моей.

— Эх, зря я не решился на пари! Наездник из тебя, Коста, так себе.

Лес проехали молча. Мне такая дорога привычна. Лишнего не дергался. Вася оценил.

— Я точно угадал. Бывал ты в переделках и не раз. Сразу видно: не «фазан».

— Это что ж за птица?

— А у нас так залетных «варягов» из столиц называют. Едут сюда, нафантазировав черти что. Один себя в медалях да крестах видит. Другой – на смертном одре.

— Покойником что ли?

— Покойником, – согласился Вася. – Отправляются на Кавказ из-за несчастной любви. И лезут под пули в первом же бою. Из-за таких субчиков гибнут хорошие солдаты и офицеры. Пытаются спасти того, кто своей жизни не ценит и смерти ищет. А она не слышит его мольбы. Берет того, кого выбрала.

— Уж больно печально звучит…

— Почему печально? Видел бы ты, как мы в поход идем. На бивуаках до рассвета – веселье, песни у офицерских палаток. Вино – рекой! Пьют все, даже туземцы. Мне один аварский князь сказал: ночью можно, ночью Аллах спит!

— Неужто мусульмане пьют?

— Еще как! Отчего ж ему не пить, если завтра его горец пулей снимет?

Снова замолчали. Усталость брала свое. Ехали и дремали на ходу. На рассвете остановились. Умылись у ручья. Немного посидели на бережке. Вася угостил меня коньяком из фляжки.

Я вспомнил нашу ночную поездку со Спенсером, когда мы удирали из Кутаиси. Вроде, поспешали, а проехали намного меньше, чем сегодня. Все-таки из меня всадник пока весьма посредственный.

— Далеко до Манглиса? – спросил я Золотарева.

Хотя я через Манглиси ездил все свое детство, но лошадь не автобус! Рассчитать время мне было сложно.

Поручик хмыкнул:

— Коли гнали бы во весь опор, уже б увидали его башни. Да смысл нам спешить? Тебе же в канцелярию. А мои писари – такие канальи! С утра злые, с похмелья. Нафордыбачатся, кикиморы в очках, – не подступись!

— Ты же им начальник! – изумился я порядкам в полку.

— Я хоть и полковой адъютант, но чином ниже, чем у казначея и квартирмейстера. Вот и не лезу в распорядки. Все больше по поручениям князя ношусь. Хозяйство у нас большое! Забегу раз в два дня, подпишу, что нужно и…

Я догадался, что молодой повеса полностью завалил работу канцелярии. Не в его характере с бумажками возиться. То ли дело скачки. И картишки. Куда ж без них в армии? Даже ни тени сомнения нет, что поручик не упускает случая поискать своего пикового туза.

— Эх, я бы в Тифлисе жил с превеликим моим удовольствием, – признался Вася, отставив в сторону надоевший кивер и заваливаясь на спину. Я последовал его примеру. – Золотой город, кабы не жара летняя да грязь непролазная после дождей. За четвертак в сутки живи себе привольно. Плова и фруктов наберешь гору за горсть медных грошей. За фунт турецкого табаку – пятнадцать копеек серебром. Сорок копеек за пять двойных бутылок лучшего кахетинского вина. Говорят, раньше грузины и денег не просили. Считали, что вино продавать – это стыдно. Это мы их приучили на свою голову.

— А квартиры?

— А что квартиры? На Армянском базаре в домах комнаты можно найти вполне себе дешево. Одна беда – скорпионы!

— Скорпионы? – я в ужасе приподнялся на локте.

— Они не страшно кусают, – «успокоил» меня Вася. – Ужаленное место болит и пухнет, но протрешь его теплым деревянным маслом – и все пройдет!

Я успокоился.

— Где завтракать будем – в полку или в слободках? – спросил Золотарев

— Я бы предпочел побыстрее с делами управиться и назад поворотить.

— Тогда давай так! Я в слободку ближнюю сверну. У нас форштадты знатные. Много народу после окончания службы там кости свои бросили. Накуплю нам пирогов. А ты езжай прямиком в штаб. Да скажи, чтоб самовар нам поставили!

Эх, повеяло русским духом на грузинской стороне! Самовар, подовые пироги… Или какие там пекут солдатские жены? И писари-крючкотворы… Куда ж без них?

Как в воду глядел!

Не прошло и двух часов, как передо мной предстал Манглис – беленое каменное двухэтажное строение с тремя круглыми башнями. Если бы вместо окон были амбразуры, принял бы его за крепость. Канцелярию нашел быстро, солдаты подсказали. Они слонялись без дела

по двору и совершенно не производили впечатления замордованных муштрой. Кое-кто даже бегал в домашних шлепанцах.

Канцелярия встретила меня неласково. Особо старался один писарь с выдающимся сиреневым шнобелем и непродаваемым утренним «выхлопом».

— Что за рожа туземная к нам заявилась?! – нагло прогундосил он.

Он пялился на меня своими мутными глазами с полопавшимися капиллярами. Мой черкесский наряд его не напугал. Скорее раззадорил.

Я ни слова не говоря подошел к его столу и схватил его за нос. Дернул вниз. Из носа ударила струя крови, заливая бумаги на столе. Писари закричали. Замахали руками. Но вступиться за товарища не решились. Проворовавшиеся чиновники или крепостные из дворовых, отданные в солдаты, они были смелы лишь с чернильницами и гусиными перьями.

— Юнкер Варваци! – отрекомендовался я. – Ныне произведен в прапорщики, о чем привез бумагу из штаба.

— Ваше Благородие! – обратился ко мне молоденький унтер весьма благородной наружности. – Не обращайте внимания на старшего писаря. У него вечно кровь из носа хлещет с перепою. Давайте я порешаю ваше дело. Разрешите представиться? Унтер-офицер Рукевич!

— Поляк?

— Это уже в прошлом. Ныне все мы здесь москали, – обезоруживающе улыбнулся писарь.

Его звали Аполлинарий Фомич. Служил он в строевом отделении полковой канцелярии, хотя успел и в походах побывать. В роте его любили и часто вспоминали. Именно через своих знакомых солдат унтер мне все устроил – свел меня с портным и сапожником. И с бумагами все решил в одночасье. Только денег, причитающихся за полгода службы, мне выдать не смог. Следовало ждать дня получки.

Когда мы вернулись в канцелярию из ротных казарм, Золотарев меня уже поджидал с пирогами и жарким самоваром. С удовольствием приступили к завтраку.

Поручик, прихлебывая чай и похрустывая наколотым сахаром, просматривал бумаги. Одни подписывал. Другие возвращал стоявшему навытяжку старшему писарю, испуганно косившемуся на меня.

— Все свои дела сделал?

— Все. Только денег не получить. Говорят, надо ждать дня выдачи.

— Да сколько там тех денег? – хмыкнул поручик. – Юнкерские за полгода? Семь рублей ассигнациями? Распишись в ведомостях. Я тебе свои отдам.

Золотарев вытащил на свет божий приличную пачку бумажных денег. Он явно не бедствовал. Или в карты был мастак. Или, что вернее, крутясь по хозяйственным делам своего полковника, не забывал о своем интересе. Отсчитал мне несколько бумажек.

Я грустно вздохнул. Не то чтобы мои финансы пели романсы, но отложенные накопления таяли быстрее весеннего снега. С женщинами всегда так! Стоит им занять место в жизни мужчины, начинай думать о деньгах! Платья, туфли… Хорошо, что Тома о золотых украшениях не заикнулась! Пусть она теперь у баронессы на содержании окажется, но оставить ей приличную сумму необходимо. Мало ли что со мной случится?! Не к теще на блины еду!

— Что, брат, вздыхаешь? На жалованье не разгуляешься! – понял мою тоску Золотарев и зевнул. Бессонная ночь давала о себе знать.

— Лошадей придется продавать, – с тоской признался я.

— Нешто кабардинца княжеского?! – встрепенулся сонный поручик.

— Нет! «Черкеса» не отдам. У меня еще две абхазские лошадки есть.

— Абхазские? – изумился Зубков. – Часом не от Лоова или Трама?

— Это что за господа?

— Абхазские заводчики! Их скакуны ценятся не менее кабардинцев. А то и поболе! Хвосты не обрезаны?

— Вроде, нет. А в чем проблема?

— Офицерам запрещено ездить на лошадях с обрезанными хвостами.

— Не знал.

— Я с тобой обратно поеду! Хочу на коней взглянуть! Мне для полка нужно верховых парочку прикупить. Только, чур, поедем быстрее. Дашь своего кабардинца на подмену?

— Отчего ж не дать?

— Тогда сделаем так! Поспим часика три – и в поход! – он развернулся к писарям. – Рукевич! Устроите прапорщика в канцелярии?

— Не извольте беспокоиться, Ваше Благородие! Я Константина Спиридоновича в своей каморке уложу. У меня постель знатная! От одного юнкера досталась по случаю!

— Знаю я ваши случаи! – погрозил пальцем Золотарев.

… К полуночи добрались до Тифлиса. Выходило, мы за сутки проскакали под 120 верст. И лошадей не загнали. Только мой зад. Ног под собой не чуял. Поручил Бахадуру обиходить моих «черкесов» и показать «абхазцев» Золотарева. Сам же, кое-как умывшись, поплелся спать.

Но выспаться всласть мне не дали. Под утро в мою постель скользнула Тамара. Прижалась к моей спине.

Я был уже готов завести заунывную песню об усталом путнике, которому хочется лишь одного: спать! Мой язык уже был готов сказать необходимое в общение с Тамарой в таких случаях: "умоляю и пожалуйста". Но он замер. Губы, вытянувшиеся трубочкой для произнесения протяжного "у" застыли, и стали похожими на накачанные ботоксом губищи модниц, заявившихся покорять Москву в XXI веке...

Тамара была голой!

— Эээээ! – только и смог произнести.

Резко обернулся. Больше ничего не успел сказать. Тамара накрыла мои губы своими. Оторвалась.

— Ничего не хочу слушать!

Сказала таким тоном, что сразу стало ясно: никакие мои доводы, возражения, молитвы, угрозы, отказы – сейчас не подействуют! Царица уже все решила.

— Это случится сейчас! –- продолжала она. – Я так хочу. Ты уедешь. Там опасно! И я хочу, чтобы ты выжил! Чтобы ты цеплялся за свою жизнь! Даже если тебя изрешетят пулями и исколют кинжалами! Ты должен жить! Потому что ты будешь знать, что тебя ждёт твоя жена. Пусть даже мы не венчаны. Ты не будешь иметь права умереть. Иначе тем самым ты и мне подпишешь смертный приговор! Ты понял?

Сказав это, Тамара легла на спину. Её била крупная дрожь. Тяжело дышала. На меня не смотрела.

...Сколько раз при взгляде на неё меня переполняла нежность! Не счесть! Но никогда ранее – ни в своей прошлой жизни, ни в нынешней – я не испытывал это чувство такой силы и объема. Нежность облаком воспарила над нами. Закрыла от всего мира.

— Да, любимая! – я поцеловал её, готовые уже излиться слезами, глаза. – Я понял.

Я продолжал целовать Тамару. Скинул одежду. Прижался к ней.

Её по-прежнему била крупная дрожь. Сейчас она не была той бесстрашной девушкой, вынесшей столько испытаний, которых с лихвой бы хватило и на взрослых мужчин. Не той честолюбивой и гордой Тамарой, которая сама решала свою судьбу и выбирала дороги, по которым хотела двигаться вперёд. Все свои силы, бесстрашие, решительность она выплеснула минутами ранее, когда легла в постель и произнесла такие удивительные слова. Теперь передо мной, вытянувшись в струнку, лежала беззащитная юная девушка, которой еще не было восем-

надцати. И которой было все-таки немного страшно в ожидании того, что мы оба так ждали, жаждали и о чем мечтали с первой секунды, когда столкнулись взглядами в доме её братьев.

Я знал, что я буду очень нежен. Мебель сегодня "выживет". Я не хотел причинить ей какую-либо боль. Я хотел, чтобы ей понравилось, в общем-то, лучшее занятие на свете. Страсть, бешеный секс, сломанные стулья – все это, безусловно, у нас будет. Потом. Много раз. Но не сегодня.

Я долго подготавливал Тамару. Дожидался, пока она перестанет дрожать, расслабится. Ждал, когда колок, так натянувший струну её тела, чуть провернется обратно. Чтобы струна, готовая уже было лопнуть от напряжения, ослабла. И теперь ей ничего не угрожало.

Тамара чуть вскрикнула. Но с радостью и облегчением. Улыбнулась. Обняла меня. Открыла глаза. И сейчас в её глазах была поразительная смесь восторга и любопытства. Ей нравилось то, что происходит. Она реагировала на каждое мое движение, отвечая протяжным тихим вздохом. И в то же время она оценивала эти новые, впервые испытываемые ощущения.

Я двигался вперёд, буквально миллиметрами. И каждый этот миллиметр вызывал у Тамары более протяжный вздох. Менял ритм её дыхания. Заставлял сильнее меня обнимать. Любопытство исчезло. Ему сейчас уже не хватало места в её голове. Всё было занято ощущением надвигающегося невиданного наслаждения. Колок начал обратное движение. Казалось, что её руки и ноги окаменели. Тело начало выгибаться. Ни дыхание, ни крики она уже не контролировала.

— Я люблю тебя, Тамара! – успел произнести, делая последние движения.

Длинный протяжный крик мне был ответом. Одновременно с ним спина Тамары буквально взлетела в последнем изгибе. И сразу после этого рухнула обратно. Руки и ноги её, бывшие до этого каменными столбиками, в секунду обратились в ватные. Струна лопнула!

...Она долго приходила в себя. Я с некоторым напряжением смотрел на неё. Ждал. Ей понадобилось время, чтобы успокоить дыхание. Потом она улыбнулась. Открыла глаза. Увидела моё лицо, на котором явно читался вопрос: хорошо ли было моей царице? Тут она неожиданно сладко потянулась, а потом засмеялась. И это был смех не девушки. Это был уже смех женщины. Тот самый грудной, низкий смех, который сводит мужчин с ума.

...Вместо ответа, Тамара, чуть приподняв голову, поцеловала меня. Потом опять откинулась. Сладко выдохнула.

— Это лучшее, что я испытывала в жизни! – опять засмеялась. – Мы будем делать это много раз! Да?

— Да!

Тут она меня удивила. Будто что-то вспомнив, похлопала меня по спине, заставляя с неё слезть. Я подчинился. Она вскочила. Подбежала к столу. Зажгла свечку.

— Ты чего? – я не понимал, что происходит.

Она подбежала со свечой к кровати. Опять шлёпнула меня, заставив отодвинуться. Наклонила свечу к простыне. Наконец, я понял! Ей нужно было это подтверждение. И ей нужно было, чтобы и я убедился в том, что именно я её первый мужчина.

— Вот! – с детской непосредственностью указала мне.

Я кивнул.

— Вставай! – тут же приказала.

Я встал. Она сорвала простынь. Сложила её. Сбегала к комоду. Достала новую. Стала застилать. Я не мог оторвать от неё глаз. Все-таки, впервые видел её обнаженной. До того лишь мельком. И уже посылал благодарности Господу за то, что он меня одарил такой красоткой!

— Нравлюсь? – Тамара чувствовала мой взгляд.

Как раз наклонилась, разглаживая простынь. Сдержаться я уже не мог. Подошёл, обнял.

— Уууууу! – оценила Тамара. – Готов опять? Так быстро?

— С тобой я, как... Всегда готов! А ты?

— Сейчас узнаешь!

А я с того памятного дня, когда она меня лупасила в черкесском ауле, знал!

...Светало. Просто лежали. Улыбались. Я нежно хлопнул её по попке.

— Доволен? – хохотнула Тамара. – Всыпал, наконец?

— Да!

Тамара ничего не ответила. Уже спала.

Я еще полежал некоторое время, любуясь моей грузинкой. Потом тихо встал. Оделся. Вышел из дома.

Во дворе сидел Бахадур. Видимо, он так и не ложился. Я присел рядом. Он посмотрел на меня с улыбкой.

"Хорошо?" – безмолвно спросил.

"Хорошо!" – так же безмолвно ответил я.

"Хорошо!" – кивнул алжирец.

Потом указал мне на гору на противоположном берегу. Я посмотрел. Было на что!

Посредине крутого, лишенного растительности склона Мтацминды, Святой Горы, белела скромная башенка церкви Святого Давида. К ней вела тропа, извивавшаяся подобно длинной ленте гимнастки. И она, эта тропа, не серела мертвым камнем. Напротив, она все время была в движении – в белом непрерывном потоке тифлисских женщин и девушек, укутавшихся в покрывала.

Четверг!

Словно бросая вызов силам природы, этот живой ручей стремился вверх. Ударялся в подножие церкви и рассыпался на мелкие белые точки на окружавших церковь склонах. Будь я поближе, может и пришла бы мысль о лебедях, о которых толковал брат Тамары. Но отсюда, от Авлабарской горы, эти белые точки смотрелись как пух одуванчиков, разбросанный безжалостным ветром странствий.

Этот ветер и меня звал в путь. Пора собираться!

Я зашел на минуту в дом и вернулся во двор. Нес в руках подарок Бахадуру. Ту самую шпагу-трость, что выдал мне в насмешку Каца во дворе князя Шервашидзе.

Показал алжирцу, как управляться с замком. Вытащил клинок. Всего полуметровой длины, на шпагу он, конечно, не тянул. Зато легко гнулся в дугу, стоило его упереть в землю. Бахадур неверяще смотрел на новую игрушку. Прямая ручка, заканчивающаяся головой верблюда. Отсутствие гарды и упора. И мавританские узоры на лезвии.

Я вспомнил слова, сказанные в Трабзоне моим албанским приятелем Ахметом о любимом оружии алжирцев.

— Похож на флиссу? – спросил я Бахадура.

Он энергично закивал. Показал пальцами небольшую разницу. У флиссы, в отличие от подаренного мною клинка, должно было быть немного изогнутое лезвие.

Я ткнул пальцем в клеймо на лезвие.

— Толедо! Лучшая испанская сталь!

Бахадур прижал к груди ножны-трость, как долгожданного ребенка. Бережно принял оружие из моих рук. Пару раз взмахнул. Баланс, естественно, оставлял желать лучшего. Но его это не смутило. Таким клинком нужно не фехтовать, а бить один раз. Исподтишка и наповал. Или собак отгонять, как это делали джентльмены в Европе. Но лучше Бахадуру об этом не знать.

— Пойду собираться!

— Я помогу! – сказал алжирец, вкладывая клинок в ножны-трость.

Глава 4. Оказии на Военно-Грузинской дороге.

Утро вышло беспокойным. Не выспался, толком не отдохнул, но какие мои годы?!

Сгонял на Армянский базар прикупить недостающее. Нет, не кофейный набор, как выбрал бы Спенсер. Огневой припас, вяленое мясо и черкесский гомыль – порошкообразную массу, в состав которой входили пшено, мясо, сухой бульон и специи. Достаточно было щепотки такого порошка, чтобы получить протертый мясной суп.

Навьючили с Бахадуром одного из кабардинцев. Ружье в меховом чехле. Бурка. Скрученная циновка. Крепкая веревка. И кожаный бурдюк с водой. И другой – с кахетинским. Не удержался.

Тамара стояла на крыльце. Кусала губы, боясь разрыдаться, глядя на нашу суету.

Пришло время прощаться. Не знал, как к ней подступиться.

— Знаешь, как казачки провожают в поход своих мужей?

— Нет! – сухо ответила моя царица.

— Выносят чарку, а потом идут до околицы, держась за стремя.

— Я – сейчас! – тряхнула косами и убежала в дом.

Вернулась с кружкой.

— Садись на коня! – приказала.

Я подчинился.

— Пей, но только половину! – снова приказала.

Я выпил полкружки и вернул ей сосуд.

— Остаток солью в бутылочку. Допьешь, когда вернешься! – гордо сказала она. – Я так хочу! Но заруби себе на носу: не желаю быть черной розой Тифлиса! Хочу белое платье и фату! Прощай! – и, не поцеловав на прощание, развернулась и ушла в дом.

Моя царица! Нет для нее правил! Сама их придумывает и устанавливает! Девочка по имени «Хочу»!

… Хан-Гирей был приятно удивлен моей оперативностью. Не ожидал, что я так быстро соберусь в Черкесию. Но что-то его тяготило. Что-то прорезало его лоб скорбной морщиной. Заставило опуститься уголки губ. Он улыбался мне через силу.

— Вот так скорость! Хвалю! Вижу, судьба Торнау вам не безразлична. И от души поздравляю с высокой наградой! Я воздержался в штабе от проявлений восторгов, дабы не ставить вас в ложное положение. Теперь же, наедине, спешу отметить. Не унывайте от скромности ордена. Император не балует Кавказ наградами. В прошлом году ни одного Георгия не дали в войсках. Будто не гибнут офицеры и солдаты во славу Государя от пуль и шашек немирных горцев. Не совершают бессмертных подвигов…

— Возможно, господин полковник, Государь пребывает в двусмысленном положении? Никак не решит, война здесь или мятеж?

— Вот, что я скажу вам по секрету. В Петербурге слишком много дурных советчиков. Утром доставили мне инструкцию от военного министра. От меня требуют невозможного. Хотят, чтобы я к приезду Государя на Кавказ собрал до пятидесяти депутатов для встречи с царем, чтобы они подписали капитуляцию. Именно так я воспринимаю пункты, кои следует мне донести до вождей непокорных племен. Полюбуйтесь.

Он протянул мне бумагу с грифом секретно, подписанную графом Чернышевым. Без смеха сквозь слезы нельзя было читать эту длиннющую инструкцию, содержащую семь пунктов. Каждый из них можно было смело назвать оскорблением для горцев. Выдать аманатов-заложников, не давать приюта немирным соседям, принять над собой власть назначенного начальника-пристава… Они там, что, вконец, обалдели, эти столичные «стратеги»?

— Это просто невыполнимо!

— А что мне делать? Получен приказ. Надо выполнять!

— Как же выполнять, коль он противоречит самому свободолюбивому духу непокорных народов?

— Кто-то убедил Государя, что одного его приезда будет достаточно, чтобы склонить Северный Кавказ к покорности! Жалкие льстецы! Ничего не смыслят в местных реалиях, а все туда же – раздают указания! Договорились до того, что стоит уверить горцев в масштабах и силе Империи, и они склонят свою выю!

— В горах свое представление о необозримости! Имея перед глазами уходящие вдаль и в небо снежные хребты и вершины, подобные Эльбрусу, сложно представить, что есть что-то более величественное!

Хан-Гирей согласно кивнул.

— Конечно, есть в горах немало достойных мужей благородного происхождения, с кем можно иметь дело. У меня есть целый список. Я буду с ними встречаться и упирать в разговорах на то, что князьям и узденям во имя сохранения своего положения не мешало бы обуздать воинственность подданных и договориться с русскими. Сложнее с шапсугами и натухайцами. Их уорки и свободные крестьяне в грош не ставят свою знать!

— Как же так вышло?

— Я расскажу. Поучительная история. Незадолго до последней войны с русскими султан отправил в Анапу одного пашу. Этот эмиссар оказался очень деятельным. Проповедовал ислам, найдя в народах близ Анапы полную поддержку. Им особо приглянулась мысль о равенстве правоверных. В итоге, паша уехал, а шапсуги и натухайцы низвели свое дворянство до равного положения с чернью. Создали соприсяжные братства, внутри которых происхождение не имеет значения. Их сотни нынче на землях от устья Кубани до Абина и границ с убыхами.

— Меня приняли в одно из таких обществ. Его члены называют себя всадниками.

Хан-Гирей рассмеялся.

— Это другое! Вы попали в братство, которое скорее противостоит обычным соприсяжникам и объединяет людей благородных. Которые отстаивают старые привилегии, когда слово князя было законом.

— Мне так не показалось. Скорее их сплотила идея борьбы с русскими.

— Дайте таким людям шанс возвыситься, обещайте им покровительство – и они станут мирными! Люди боролись и будут бороться за власть. В вашем случае сочту удачей вступление в подобный союз. Нужно подумать, как сие использовать к общей пользе.

Я не стал спорить с князем. Понял, что он целиком поглощен мыслью защиты своей корпорации черкесского дворянства. Но не стоило спешить с выводами. Хватало случаев убедиться, что на Северном Кавказе все иначе. Другая логика. Иная система координат.

— Что с вашим планом? Когда начнем его претворять в жизнь?

— Возьмем паузу до приезда Государя. Сосредоточьтесь на Торнау. Инструкция, которую я показал, сильно ударила по моим позициям. Нужен успех! Государь оценивает людей по результатам, а не по болтовне и обещаниям!

— А что с англичанами?

— Пока не до них! Пусть себе болтают! До меня дошли слухи, что черкесы уверяют всех кого ни попадя, что английский король следит за их судьбой. Наивные! В них говорит отчаяние. Но скоро их глаза раскроются, и тогда Белю несдобровать!

В общем, инструкции-напутствия весьма просты: к англичанам пока не лезть, сосредоточиться на спасении кавказского пленника. На том и порешали.

… Со счастливой оказии началось мое путешествие. На станции, откуда два раза в неделю отправлялись почты в Ставрополь и далее, в Россию, сговорился я с попутчиком. Ненамного меня старше, рано поседевший капитан отправлялся в Пятигорск залечивать ревматические

боли. Подцепил он свой недуг в сырых и ветхих казармах Грузинского гренадерского полка в Гори, где стояла его рота. Звали офицера Платон Платонович Буйнов.

Вопреки фамилии, капитан был тих, незлоблив и участлив. Мигом оценив мой заспанный вид, предложил мне место в своей повозке, как только увидел в руках подорожные до Прочного Окопа. Он нанял осетина, чтобы на перекладных добраться до Крестового перевала.

— Лошадок ваших, чудных, привяжем сзади. Путь нам долгий лежит. Пущай отдохнут. А вы выспитесь. Эвон как зеваете.

Я кочевряжиться не стал. Закутался в бурку. Поерзал, устраиваясь поудобнее. И отключился, будто свечу задул. Сказались бессонные ночи.

Очнулся затемно, перед подъемом на Кайшурскую гору.

— Здоровы же вы дрыхнуть! – приветствовал меня капитан. – Все на свете проспали! И древнюю грузинскую столицу. И чудное слияние Белой и Черной Арагви.

— Знакомые места, – буркнул я нелюбезно, еще до конца не проснувшись.

Буйнов не обиделся. Наоборот, добродушно похлопал меня по плечу.

— Просыпайтесь скорее. Я уже быков нанял, чтобы повозку втащить на гору. Пешком пойдем. Или на своем красавце поедете?

— Нет! Так дело не пойдет! Поедете вы, а я рядом пойду за стремя держась, – мне не хотелось возиться с развьючиванием своего “черкеса”.

Капитан спорить не стал. Было видно, что ему, с его больными ногами, взбираться на гору будет нелегко.

Мы обогнули огромный персидский караван из верблюдов и ишаков, вставший на ночевку. Двинулись за своей повозкой. Осетины-проводники криками погоняли быков. В ночной тишине их возгласы разносились на много километров. Звезды освещали нам путь. Смотреть особо было не на что –- пустынный край с редкими кустами и чернеющими провалами ущелий в стороне.

До почтовой станции добрались далеко за полночь. На втором этаже для нас нашлась комната. Спать уже не хотелось. Сидели у окна в ожидании восхода при свете жестяной лампы. Подкреплялись захваченными в дорогу припасами, запивая кахетинским из моего бурдюка. Вели неспешный разговор.

— Я, как услышал, что вы эриванец, сперва не хотел с вами дела иметь, – признался капитан. – Теперь же рад, что ошибся.

— Чем же вам эриванцы не угодили?

— А вы не знаете?

— Откуда? Я в полку не более нескольких часов провел.

Капитан скептически на меня посмотрел. Сделал свои выводы, догадавшись о роде моих занятий. Объяснил все, как по полочкам разложил.

— Эриванский и Грузинский полки были раньше кунаками. Но, как Дадиана вашего назначали, все изменилось в одночасье. Нет ныне былой дружбы и взаимовыручки!

— Как могут быть кунаками полки? – удивился я не на шутку.

— На Кавказе чего не бывает! И полки могут побрататься, и даже враги. Куринцы, славные егеря, издавна враждуют с апшеронцами. Раз на местном базаре вышла драка апшеронцев с чеченами. И как вы думаете, чью сторону взяли куринцы?

— Неужто чеченцев?

— Именно! Кричали егеря: мы с чеченами все время воюем! Они нам как братья!

— Что за дичь?

— Кавказ! – развел руками капитан и поморщился от боли. Потер ноющее колено.

— Вы мне при знакомстве сказали, что в казармах ревматизм подцепили. В Манглисе, где мне довелось побывать, все добротно, хоть и тесновато. Без сырости.

— По вопросу вашему понятно, что вы в армии новичок. Штаб-квартира и у нас, в Белом ключе, дюже хороша. А под Гори местность болотистая. Только зимовать там можно. Мой флигель при казарме всем ветрам открыт. Сотворен на-фифи. Не нашлось хороших мастеров…

— Плохие строители из грузин?

Капитан заливисто рассмеялся.

— На азиатцев нет надежды. Все солдатскими руками спроворено. В полках принято свое хозяйство держать. Отряд, запертый в укреплении, сам должен хлопотать о своем благополучии. Отпускает нам казна сырой материал для пищи и одежу. И деньги. А что на них купишь? Потребного и под свечей не сыщешь! Вот и выходит: без артели никак. 25 портных и сапожников у меня в роте. Покосы свои. Стада. Солдаты – и погонщики, и пастухи, и огородники.

— Дармовая рабочая сила?

— Почитай – так. Пять копеек в сутки солдату положено. За поход доплачивают гроши. А хороший солдат должен быть отменно кормлен. Иначе ноги протянет в горах. В Тифлисе, сказывают, балуются со справочными ценами на продукты с ведома баронессы Розен. Завышают. Кто-то на этом руки греет.

“Не иначе как князь Дадиани”, – предположил я.

— Светает! Пора выдвигаться!

— Как думаете, проскочим за день перевал?

— Гуд-гора ныне покойна, – указал в окно Буйнов на предстоящий нам подъем. В утренних лучах его вершина отсвечивала снежными заносами – Бог даст, не застрянем. И на Крестовом должны уже обвалы основные сойти. Я нарочно это время выбрал для поездки. Выехал бы раньше, мог и застрять. Бывает так завалит, до трех недель народ кукует, пока расчистят. Спят сидя. Дров нет. Горячку подхватить – плевое дело! Иных намертво заваливает, если не повезет!

— Может, отправимся верхами? – спросил я без задней мысли. – Наймете вьючную лошадь. Перекинем на нее мой скудный скарб и ваши чемоданы. А вы поедете на моем “кабардинце”?

— Широкой души вы человек! Я рад, что выбрал вас в товарищи! Подъем с тележкой – нелегкое дело. Пришлось бы камни под колеса подкладывать.

Осетина с повозкой отпустили и тронулись в гору. Петляющий подъем легко не давался. На середине спешились и погнали лошадей перед собой. Одолели две версты за два часа.

На вершине лежал снег, хрустел под ногами. Ветер кидал его в лицо. Уши закладывало. Слепило так, что вспомнил о пороховом растворе, которым мазали веки в прошлом году при переходе в Сванетию. Хорошо подморозило. Мне не верилось, что за спиной остались цветущие сады, виноградники и зеленеющие луга.

— Внизу – Чертова долина, старая граница Грузии. Считают, Крестовый перевал отделяет Закавказье, – показал Буйнов на черный крест на вершине впереди лежащей горы и, словно подслушав мои мысли, сказал. – Как по мне, так граница здесь. Позади – мир ярких красок. А нас ждут теснины каменные, жизни лишенные.

— Да вы поэт, господин капитан!

— Довелось прочесть очерк блистательного Пушкина “Военная грузинская дорога” – застеснявшись, пояснил Буйнов. – Говорят, он вошел в его новую книгу “Путешествие в Арзрум”. До нас еще не добралось это сокровище!

Спуск был ужасен. Узкую тропу заливали ручьи от таявшего на вершине снега. Лошадей пришлось вести под уздцы. Падения стали нашим спутником и нашим проклятьем. Каждый раз сердце замирало в предчувствии беды. Оставалось лишь восхищаться бесстрашием возниц повозок, игнорировавших пропасть.

В холодной долине, продуваемой всеми ветрами, ютился небольшой осетинский аул. Все его жители зарабатывали на жизнь проводами путешественников через Крестовой перевал и

расчисткой снега. В каменной сакле, крытой шифером, где мы решили перевести дух, было холоднее, чем на улице. Дров не было. Еду готовили, используя жалкие пучки травы и чудом занесенные ветром веточки. Уверен, местные радовались любой сорвавшейся с кручи повозке, остатки которой могли согреть зимними ночами.

— Дальше верхом – я на попятный двор! – признался Буйнов. Спуск его вымотал окончательно, а его словесный конструкт означал не иначе, как полный отказ. – Поеду на санях.

Я бы тоже не отказался. Но за лошадьми требовался пригляд. Выехал за санями, стараясь не отставать.

Дорога шла кругом, огибая белоснежную вершину. Ее намечали воткнутые в снег высокие шесты. Шаг в сторону – и лошадь могла провалиться по уши. Но мои “кабардинцы” шли ходко, четко по следу салазок, и хлопот не доставляли.

Присоединившимся к нам трем гребенским казакам на косматых лошадях приходилось труднее. Их кони упирались, фыркали и боялись ступать по насту.

— Хорошие скакуны у вас, Ваше Благородие! – сказал один из них. – За перевалом глядите за ними в оба! Ингуши-разбойники балуют! Такой конь – знатная добыча. Не приведи, Господи, накинутся на конвой.

Он странно перекрестился.

— Какой ты веры, братец? – заинтересовался я.

— Староверы мы. Федосеевцы. Без попа живем – лебеду жуем!

— Как же вы женитесь?

Казак искоса на меня взглянул. Ни слова не ответив, приотстал, пропуская вперед.

Женитьба, Крестовая гора, Тамара… Ассоциация возникла сразу. Лермонтовский Демон! Ведь здесь он пролетал! Казбек, Дарьял и Терек! До них уже рукой подать.

Сегодня пятница. Моя Тамара и Бахадур должны перебраться во Дворец. Как у нее все сложится? Сердце сладко заныло.

Казенный дом в Коби, у подножия Крестовой, оказался жуткой дырой. Чад, угар, холод. Вместо мебели – дощатые нары, лишившиеся тюфяков со времен Вселенского Потопа.

— Не отчаивайтесь, Константин, – успокоил меня капитан. – Доберемся до Казбека и отдохнем. Там станция устроена не в пример лучше этой.

Я особо и не отчаивался. Если бы не вонь от сохнущего у огромной печи мокрого белья, выспался бы даже с удовольствием в своей бурке. Уже привык к таким ночевкам.

Переход от Коби до Казбека-Степанцминды, одноименного с пиком селения, тоже оказался не из простых. Чего стоила одна только переправа через Байдары, где лошадям оказалось воды по брюхо! Мечтал о духане с шашлыком и обсушить ноги.

Не вышло!

Духанов с барашком и молодым кипианским, которые встретились Кисе и Осе, еще не построили. И времени на обогрев не оказалось. Застали самый момент отправления почтовой кареты. Капитан пересел в нее. Я же решил задержаться на часок, чтобы вернуть вьючную лошадь и немного передохнуть. Хотелось выпить чаю и полюбоваться на Казбек и шикарный вид с храмом Гергети на одинокой горе.

Особо не волновался. Буйнов предупредил меня, что перед входом в Дарьяльское ущелье стоит редут. Там проверяют подорожные и формируют оказии – военные конвои до Владикавказа. Обыкновенно там все застревают на пару часов.

Когда я добрался до редута и казарм блок-поста, никакого конвоя не увидел.

— Минут сорок, как уехали, – “обрадовал” меня офицер, изучая мои бумаги.

— Одного пропустите?

— Отчаянный? – хмыкнул офицер. – Дерзайте!

Я полетел галопом. Копыта моих коней прогрохотали по чугунному мосту. Вдоль дороги бесновался Терек. Скалы нависали над дорогой. Одна так и вовсе грозила перегородить мне путь. Не даром ее прозвали “Пронеси, Господи”.

Вскоре показался хвост конвоя. Двигался он неторопливо. Впереди под грохот барабана шагала пехота, окружившая пушку. Длинный ряд повозок разных мастей растянулся бесконечной змеей.

Я поравнялся с почтовой каретой. Поприветствовал Буйнова. Вдруг над головой брызнули в стороны каменные осколки.

— Стреляют? – удивился капитан. За грохотом колес и шумом реки выстрелов мы не услыхали. – Видимо, вы раздразнили горцев, пока скакали в одиночку одвуконь. Они вас приняли за храбреца, решившего поживиться в тылах конвоя. Черкеска. Ружье в меховом чехле. Не мудрено спутать! А теперь вымещают свою досаду. Лучше укройтесь за высокой повозкой.

Вечерний Владикавказ встретил нас тесными форштадтами, земляными валами крепости – и балом в общественном саду, выходившему к реке! Над головами весело танцующих офицеров и пестрого дамского общества изредка пролетали пули с левого берега Терека. Привлеченные музыкой и бумажными фонариками, горцы вяло перестреливались с ротами Новагинского полка. Пехотинцы развернулись в цепь, выставили секреты, чтобы “гопота” с другого берега не подкралась тайком и не испортила праздник.

Веселились до утра (я, конечно, стенку подпирал). Потом отправились провожать дам – с хором музыки и песенниками. Нас забрали на свою квартиру офицеры, знавшие Буйнова по какому-то походу. Даже проситься на постой не пришлось. Здесь все жили как одна семья – безыскусно, радушно и просто.

— Душа моя! – обнимая Платона Платоновича за плечи делился с нами прихрамывающий поручик. – Только представь, какая вышла намедни оказия! Танцевали у коменданта. Приехал с Линии офицер. Прямо с почтовых, весь в пыли, заявился на бал и ангажировал даму. Ему сделал замечание местный заседатель суда. Офицер, ни слова не говоря, пырнул его в живот кинжалом.

— И что же? – ахнул я.

— Кровь песочком присыпали. Тело вынесли. И бал продолжился как ни в чем не бывало. Правда, офицера арестовали. Комендант его ругал. Ох, ругал! “Не мог, балда ты этакая, на улицу вывести и там кольнуть? – возмущался он. – Дело бы кануло в воду”.

— А что комендант? Все тот же старичок, которого из собственного сада чечены на носилках утащили, а потом за выкуп вернули? – поинтересовался зевающий Буйнов.

— Нет, уж полтора года новый. Но из наших. Из кавказцев.

Ну и нравы здесь, на фронтире!

Думал, ничему уже не удивлюсь. Наивный! Пока ехали в Пятигорск, Буйнов мне поведал сокровенное. Оказывается, в полках остро стояла проблема с женитьбой. Офицеры, отправлявшиеся в отпуск в Ставрополь, получали от командира незаполненный бланк с разрешением на брак. Сами вписывали в него фамилию суженной, если таковая находилась.

— Хуже всего приходится юнкерам, которые в Ставрополь приезжают экзамены сдавать. Бедные, как церковные мыши, они живут в долг. А потом их заставляют расплачиваться женитьбой на перезрелых дочерях и родственницах хозяев квартир. Иногда и с детьми. Такие браки у нас прозвали “женитьбой по расписке”.

Я присвистнул.

— А как же вы? Женаты?

— Бог не сподобил! Вот, питаю надежды в Пятигорске встретить даму своего сердца!

— Вот и я питаю надежды! – сказал сердито, не поясняя капитану свои сложности.

Эти разговоры о женитьбе… бесили!

Вдали показалась пятигорская долина и разноцветные крыши нарядных домиков, притулившиеся к зеленому склону большой горы. Машук! Добрались!

Глава 5. На жизнь поэта.

Большое каменное строение являлось не только трактиром, расположенном в бельэтаже. Вывеска у входа оповещала, что сдаются в наем комнаты. Также можно приобрести билеты на организуемые по вечерам балы. И перекинуться в картишки, но не на интерес!

В общем, не ресторация, а клуб для курортников, язвенников-трезвенников. И заправлял им грек Найтаки!

Это обстоятельство меня выручило. Дресс-код я не прошел. Не хотели меня пускать, приняв за горца. Пришлось взывать к долгу перед диаспорой, благо управляющий был на месте.

Узнав, что я тоже грек, он распорядился пропустить.

— Будете в Ставрополе, милости просим, господин офицер, в мою гостиницу. Лучшая в городе!

Вошел в ресторацию. Почти забита. В основном, пары. Только за двумя столами расположилась компания офицеров. Человек десять. Слушали рассказ какого-то прапорщика-драгуна, сидевшего ко мне спиной. Когда вошёл, как раз дружно загоготали. Что вызвало такой их смех, не расслышал.

Свободными были только два столика. За один из них и присел. Тот, который был подальше от разгулявшейся компании вояк. Заказал еду. Откинулся на стуле. Прислушался к диалогу офицеров. Даже если бы и не хотел, не получилось бы. Уж больно шумная орава!

— Воля, конечно, твоя, Миша, – обратился один из них к рассказчику, утирая слезы, – но ты бы уж придержал коней! Нельзя же так!

— Савва, – к прослезившемуся обратился другой офицер, – тебе коли не любо – не слушай! А врать не мешай!

Опять раздался дружный гогот десятка глоток. Офицер, дождавшись тишины, обратился теперь к драгуну.

— Продолжайте, Михаил Юрьевич!

Тут-то я и подскочил на стуле.

"Михаил Юрьевич?!"

Разглядеть лица рассказчика с моего места не было никакой возможности.

"Нет! Не может быть таких совпадений! – я уже поднимался со стула. – Матерь Владычица! Неужели это Лермонтов?! Господи, Господи, не обмани! Не сыграй со мной злой шутки! Стоп! Конечно, не он! Лермонтов же лейб-гусаром был! Ментик этот его знаменитый красный на растиражированных миллионами фотографиях. А этот не в красном. Придурок ты, Коста! Учил бы биографии гениев лучше, сейчас бы не сомневался! Все равно нужно проверить!"

Я уже медленными шажками двигался чуть в сторону, не приближаясь к столу офицеров. Не мог позволить себе столь явного любопытства. Сидящие за соседними столиками, конечно, обратили внимание на мои странные действия. Но я придал лицу безразличное выражение. Мало ли что мне вздумалось? Гуляю! Иду тудой! Потом пойду обратно!

Лицо рассказчика медленно открывалось. Сердце уже билось на запредельных частотах. Еще полшажочка...

"Господи! Сподобился! Я единственный человек из семи миллиардов жителей Земли XXI века, который видел живого Лермонтова! Да только ради одной этой встречи (Упс! Хорошо, что Тамара не слышит) стоило попасть в это время!"

Я застыл. Не обращал внимания на недовольные взгляды пары за столиком сбоку, которым загородил весь вид. Наверное, глупо улыбался. Нет, наверняка, глупо. Судя по тем мыслям, которые сейчас проносились у меня в голове. Смотрел, не отрываясь. Только сразу отметил, что все известные портреты очень точно передали черты лица гения. С фотографической точностью.

"Он, действительно, совсем не красавец! – отмечал я. – Нервный. Вон, как жестикулирует. Речь тоже с небольшим надрывом... Хех! Лермонтов! Люди! Я вижу живого гения русской литературы! Смотрите, завидуйте, я..."

— Вы сейчас во мне дырку протрёте, сударь!

Я рухнул с облаков на землю. Лермонтов пристально смотрел на меня. Был на взводе.

"Мамочки! Ко мне лично обратился сам Лермонтов!" – я не мог реагировать должным образом, продолжал глупо улыбаться, совсем не отдавая себе отчёта в том, как сейчас может быть воспринята эта улыбка.

— Я вас чем-то рассмешил? – Лермонтов вскочил со стула.

"Как он быстро вспыхнул! Вон, уже ус дергается! Эх, Михаил Юрьевич, понятно, почему всё дуэлью закончилось. Совсем себя в руках держать не можете!"

— Миша, Миша! – бросился к нему тот, кого звали Саввой.

— Савва! – Лермонтов отмахнулся. – И почему вы молчите? Считаете ниже своего достоинства отвечать мне, говорить со мной?

"Эээээ. Этак и я до дуэли допрыгаюсь с ним! И исход будет очевидным. Сгинет моя головушка! Не буду же я стрелять в Лермонтова?!"

— Или, может, вы не понимаете русского языка? Горец? Дикарь?

— Михаил Юрьевич! Зря вы так. Сразу же видно, что наш человек. Геройский! – сказал кто-то из круга за столом.

Но остановить эти слова Михаила Юрьевича уже не могли. Наоборот, еще больше распалили. Он бросил взгляд на мою потрепанную черкеску. Перевел на свою – щегольскую, с газырями на золотых цепочках. Сравнение ему не понравилось: оно было не в его пользу. Еще бы мгновение – и непонятно, что бы произошло. Благо, я, наконец, пришёл в себя. Губы разлепились, рот открылся, язык задвигался. Полилась горячая речь.

— Господа! Господа! Михаил Юрьевич! Простите меня, ради Бога! Простите и поймите! Я просто дар речи потерял! Но сами посудите, как не потерять его, когда лицом к лицу сталкиваешься с гением русской словесности?! Не поверите, я слышу ваши слова, понимаю, что дело уже худо, а сказать ничего не могу! Язык к нёбу прилип!

Мои слова были настолько искренни и сказаны с такой детской непосредственностью (что никак не вязалось с моим, в общем-то, грозным видом), что на мгновение лишили всех дара речи. И только через паузу раздался первый смешок, потом другой. Потом Лермонтов неожиданно засмущался, оглянулся на друзей, потом обратно посмотрел на меня, покачал головой, улыбнулся. Савва уже захохотал во весь голос. К нему, кажется, присоединилась вся ресторация, до этого с затаившимся дыханием наблюдавшая за этой сценой. Я же ничего не мог с собой поделать, продолжал пожирать Лермонтова глазами.

Он сделал шаг ко мне. Протянул руку.

— Ну, меня, гения, – усмехнулся, – вы уже знаете, как зовут. А вас?

Я пожал его руку. Маленькая. Но пожатие было крепким.

— Константин. Коста.

— Грек?

— Да.

— Прошу к нашему столу.

— Благодарю покорно! Признаться, я и так уже изрядно подпортил вам веселье. Стоит ли?

— Подпортил? – воскликнул Савва. – Да ты, Константин – надеюсь, позволительно подружески? – я кивнул, – наоборот, стал автором лучшей истории сегодняшнего дня. Не правда ли, господа?

Все одобрительно зашумели.

— Прошу, прошу! – улыбаясь, Лермонтов взял меня под локоть, подвёл к столу.

— Официант! – позвал я. – Всем вина за мой счёт!

Опять дружный возглас. Меня усадили за стол. Лермонтов сел рядом. Официант уже разливал вино. Лермонтов поднял хрустальный бокал.

— Выпьем! – провозгласил. – Кстати, за что? – спросил неожиданно меня.

Я задумался.

— Давайте выпьем за одно очень ценное качество!

Все затихли в ожидании.

— За то, чтобы наш язык всегда вступал в беседу вовремя! И никогда – не к месту!

— Да он философ! – воскликнул разгоряченный Савва. – Отменный тост!

Все подтвердили. Савва тут же развел руками.

— Увы, но для нас почти невыполнимый! Обязательно что-нибудь ляпнем не к месту! Ты уж прости нас, Коста! Но выпьем все равно!

Стол поддержал Савву одобрительным гулом. Все выпили.

— Расскажете, какими судьбами в этом скверном городишке? – спросил Лермонтов. – И почему в таком виде?

— Рад бы, Михаил Юрьевич. Да не могу особо. Да и не стоит!

— А я сразу разгадал, – похвастал тот самый, кто пытался устыдить Лермонтова. – Геройский офицер!

— Благодарю!

— Так надо выпить за Косту! – провозгласил Савва. – Официант!

Выпили. Беседа за столом пошла своим чередом, прежде ненадолго мной нарушенным. Я всё никак не мог успокоиться. И не мог "повзрослеть". Ребёнок внутри меня продолжал прыгать, охать и ахать, все время оставаясь с открытым ртом от настигшего его удивления. Я сидел рука об руку с самим Лермонтовым!

— Не хотите выкурить трубочку на террасе? – неожиданно предложил он.

— Да!

Мы встали из-за стола, прошли на открытую террасу. Уселись.

— Не хотите попробовать мой табачок, Михаил Юрьевич? – нашел в себе силы. – У меня хороший, турецкий.

— С удовольствием.

Поделился табаком. Забили чубуки, поданные официантом. Задымили. Я как мог старался все-таки уж совсем не пожирать его глазами. Опустил глаза. Посмотрел на его форму.

— Что-то не так? – уловил моё легкое недоумение Лермонтов.

— Просто я привык к вашему красному гусарскому ментику.

— А! Это! – Лермонтов махнул рукой. – Пустое. Наказали. Перевели прапорщиком в Нижегородский драгунский и сюда выслали. Впрочем, бабушка уже хлопочет, – усмехнулся. – Думаю, скоро опять вернут и чин корнета, и гусаром в лейб-гвардию переведут. Бабушка у меня такая. Горы свернёт. Так что, даст Бог, если свидимся еще раз, насладитесь красным ментиком.

— Дай-то Бог!

— Коста! – обратился ко мне Лермонтов, выпустив первое облако дыма. – Полагаю, что вы старше меня лет на десять, не так ли?

— Да, Михаил Юрьевич.

— Что ж так официально? Можем и на "ты".

— Увы, не могу, Михаил Юрьевич!

— Хм. Отчего же?

Я замялся.

— И назвали меня там "гением русской словесности", – Лермонтов внимательно изучал меня. – Признаться, поначалу подумал, что вы подшучиваете надо мной. Издеваетесь. А теперь

вижу, что всерьез так полагаете. Однако, совершенно же очевидно, что обо мне нельзя, или, скажем так, обо мне рано говорить, как о гении. Пара-тройка стихов. Да куча идей, исписанных и перечеркнутых листков... Да даже про красный ментик… Что значит, что вы привыкли меня в нем видеть?! Признаюсь, Коста, все это выглядит, по меньшей мере, удивительно и странно. Не объяснитесь?

— Вы, если можно так выразиться, "взорвётесь" в ближайшие годы. Напишете столько, что и десятерым за всю жизнь будет не под силу.

— Вашими бы устами... Только это не объяснение.

Я вздохнул. Потом подумал, что, если и существует в нынешнем времени человек, кому я мог бы раскрыться, так вот он! Сидит напротив меня! Потому что сможет понять. Не испугается.

— Я из будущего, Михаил Юрьевич! – так вот прямо без подготовки и рубанул.

Как я и предположил, Лермонтов не испугался. Челюсть у него не отвисла. Глаза не расширились. Наоборот, прищурился. Внимательно смотрел.

— Хм... – продолжал смотреть. – Вижу, что не шутите, не сошли с ума. Но, согласитесь...

— Да, понимаю. Трудно в это поверить. В общем-то, невозможно.

— И все-таки, попытайтесь меня убедить, – Лермонтов неожиданно улыбнулся.

— Я не могу называть вас на "ты", Михаил Юрьевич, потому что с детства воспитывался на ваших произведениях. И ваше место в русской литературе определено одним понятием – гений. Я говорю про красный ментик, потому что ваш портрет, написанный вашим учителем рисования Петром Заболотским по заказу вашей бабушки, – тут Лермонтов чуть вздрогнул, – на котором вы изображены в нём, был растиражирован в миллионах копий.

Лермонтов задумался.

— Вы полагаете, что это недостаточное объяснение, – улыбнулся я. – Про ваше место в русской литературе я могу болтать, что вздумается. А про портрет мог узнать каким-то образом.

— Соглашусь, – кивнул Михаил Юрьевич.

— И как же мне доказать?

— Чем я заслужил такое, как вы говорите, место в русской литературе?

— Ну, например, вы станете автором первого в русской прозе социально-психологического романа...

Вот тут-то у Михаила Юрьевича глаза чуть расширились.

— Вы не поняли термина… – останавливаться смысла уже не было. – Попробую попростому. Роман об обществе и личности с ее внутренним миром, полным противоречий. Я говорю про "Героя нашего времени".

Лермонтов не выдержал. Вскочил с кресла. Повернулся боком. Положил руки на перила террасы.

— Признаться... – задышал часто. – Год назад я начал над ним работу, вдохновленный «Онегиным». И придумал имя героя, Печорин. Онега и Печора – это же созвучно, не правда ли? И кавказские впечатления меня наполняют… Истории местных жителей. Яркие образы… Вы знали о черкесском вожде по имени Казбич? Пять лет назад он с большой шайкой горцев потрясал Кубань. Мне о нем рассказала в Ставрополе генеральша Лачинова.

— Простите, если напугал.

— Нет, нет. Не напугали. Но поразили.

Лермонтов успокоил дыхание.

— Что значит, воспитывались на моих произведениях?

— Тут просто. Во всех школах России ваше творчество – предмет обязательного изучения. Нужно знать наизусть ваши стихи. Например, "Бородино", "На смерть поэта". Да и не только в России. Ваши произведения переведут на многие языки мира. Ваши книги будут изда-

ваться миллионными тиражами. В вашу честь будут названы тысячи улиц по всей стране и установлены сотни памятников.

Лермонтов посмотрел на меня. Улыбнулся. Опять сел в кресло.

— Улицы? Памятники?

— Да.

— Что ж, даже с Александром Сергеевичем сравняюсь? – опять прищурился.

Я засмеялся.

— Тут вот какое дело, Михаил Юрьевич. Страна поделится, практически напополам. Половина за Александра Сергеевича, половина за вас, как за любимого поэта.

— А вы?

— Уж, извините, – я развел руками, – я за Александра Сергеевича. И, наверное, в первую очередь не столько за то, что больше люблю его стихи, а уж о "Евгении Онегине" и говорить не приходится. Просто, согласитесь, именно ему мы обязаны тем, что он создал современный русский язык. Но, и я говорю вам это не в утешение, я также знаю и ваши стихи наизусть. А уж ваш "Герой" мною перечитывался десятки раз.

— Да, Про Александра Сергеевича не поспоришь. А "Онегин"... Можно только одну такую вещь написать и уже не заботиться о своем следе. Ах, как же глупо он погиб!

— И от чьей руки? – вспыхнул я. – Лягушатника, прохвоста, пройдохи, недоумка...

— Лягушатник? – Лермонтов остановил поток моих справедливых оскорблений.

— Так называем французов, когда хотим их унизить или оскорбить. Или в шутку, с иронией.

— Лягушатник! – Лермонтов рассмеялся. – Забавно.

— Ну, да. Что ж, убедил вас, Михаил Юрьевич?

— Более чем. Даже не знаю, о чем бы вас расспросить про будущее.

— Не стоит.

— Отчего же? Ведь, любопытно.

— Простите, не расскажу. Не стоит. У вас, как мне кажется, есть более значительные беседы, чем со мной.

— Это с кем же? – удивился Лермонтов.

— С Господом. Думаю, вы напрямую общаетесь с ним. Разве не так? Когда вы пишите... Как это происходит? Как может человек, которому от роду всего лишь двадцать с небольшим так писать?

— Талант, говорят... – пожал плечами Лермонтов.

— И только?

Лермонтов грустно усмехнулся, посмотрел на меня.

— Да, может вы и правы. Сам иногда не понимаю, как это происходит. Сажусь, начинаю писать. Думаю, что напишу сам. А в голове уже звучит голос. И уже рука подчиняется этому голосу. Пишу под диктовку. Знаете, Коста, этот голос почти не умолкает. Даже сейчас, разговаривая с вами, он создал у меня в голове с десяток образов, наблюдений, новую сцену с дурацким ковром и удачную рифму к нескольким словам.

— Тяжело, верно, такое испытывать? Или...

— И тяжело. И в то же время нет, наверное, ничего, что сравнилось бы с тем наслаждением, которое ты испытываешь, когда напишешь что-нибудь этакое… Признаюсь, хочется иногда, чтобы голос замолчал. Дал покоя. А, с другой стороны, понимаю, что будет мне страшно, когда он перестанет со мной разговаривать и диктовать.

Лермонтов вздохнул.

— Поэтому и открылся вам, – я несмело улыбнулся. – Никому другому не помыслил бы. А вам с легкостью. Знал, чувствовал, был уверен, что не испугаетесь, не сочтете за сумасшедшего, шарлатана. Удивитесь – да. Но не более.

— Почему были так уверены?

— Михаил Юрьевич, вы с Господом на короткой ноге! Что вам какой-то пришелец из будущего? Эка невидаль!

Рассмеялись.

— Признаюсь, сперва я принял вас за Люцифера, демона тщеславия и гордыни. Но вы так спокойно говорите о Господе… Вы Ангел? Тот самый шестикрылый?! Пушкин не придумал?

— Я живой и смертный человек. А такой пророк, как вы, в нем не нуждается!

Лермонтов вздрогнул. Легкая дрожь прошла по его телу, хотя прохладный ветерок с гор не проникал на террасу.

— Пророком себя не считаю. Минутные озарения, не более… Ну, хорошо. Коль не хотите рассказывать про ваше будущее, скажите, хоть, как вас угораздило попасть сюда? Из какого времени, года?

— Из 2003...

— Ух, ты! – Лермонтов покачал головой. – Это мне уже в вашем времени...

— 189 лет.

— Многовато! – улыбнулся Лермонтов. – Не доживу!

Опять рассмеялись.

— Ну, и как вас из 2003 сюда забросило?

— Не сюда. Да, в общем, история... Пошел почтить память прапрадеда. Драка. Дали камнем по голове. И очнулся в Константинополе. Год назад. Как раз в этом теле, принадлежавшем моему пращуру. Вот с тех пор и хожу по свету.

— Вот, что, верно, тяжело!

— Было поначалу, Михаил Юрьевич.

— Что ж сейчас? Смирились?

— Нет. Не смирился. Принял. Это же тоже Божий промысел. Значит, так нужно. Зачем же мне сопротивляться? Знаете же хорошее правило?

— ?

— Делай, что должно, и будь что будет!

— Да. Хорошее правило, – кивнул Лермонтов. – И все-таки, даже пусть вы приняли. Но другое время. Нравы. Неужто, и это легко дается?

— Не мне вам говорить, что человек – существо поразительное. Быстро привыкает к обстоятельствам, если хочет выжить. А, кроме того, как вам это не покажется странным, мне очень нравится быть именно здесь!

— Покажется странным, – признался Михаил Юрьевич. – Почему?

— Я в том времени был рохлей. Во многом сомневался. Многого, что было нужно, избегал. А здесь стал настоящим мужчиной. Я делаю, принимаю решения, отвечаю за свои поступки. Да и потом... – я улыбнулся.

— Вы вошли во вкус войны, и отныне любые другие удовольствия вам кажутся приторными…

На террасу вышел Савва.

— Миша, пора!

— Да, да. Иду. Минутку.

Савва подошёл ко мне. Обнял.

— Надолго у нас?

— Увы. Нужно ехать дальше.

— Бог даст, свидимся еще, Коста. Всегда будем рады.

— И я.

— Ну, прощай, тогда!

— Прощай, Савва!

— Мы на улице подождем, – сказал Савва Лермонтову, покидая террасу.

Михаил Юрьевич встал.

— Как бы мне хотелось с вами еще поговорить, Коста. Поразительно: я обещал себе не заводить в Пятигорске новых знакомств. А тут такая встреча! Однако...

— Да. И мне хотелось бы продлить знакомство.

— Ну, что ж...

Лермонтов вдруг задумался.

— А вы же знали, как погибнет Александр Сергеевич?

— Конечно.

— И не предупредили?! Не сделали попытки?!

— Пытался поначалу.

— А потом?

Я молчал.

— И вы знаете, когда и от чего умру я, – Лермонтов грустно усмехнулся.

— Да, знаю, Михаил Юрьевич.

— Не скажете?

— Нет.

— Почему?

— Там, – я указал пальцем вверх, – все записано. На все воля Божья. Не мне вмешиваться в его промысел.

— Что ж... Пожалуй, вы правы. С меня достаточно и того, что вы мне уже рассказали про книги, улицы, памятники. Человек и привыкает ко всему, и тщеславен, – усмехнулся – Мне это отрадно сознавать.

— Ну, может быть, вам еще будет приятно знать, что, благодаря Александру Сергеевичу и вам, русская литература в этом веке родит столько писателей и столько выдающихся произведений, что станет первой и непревзойденной литературой во всем мире. Уже никто не сможет её переплюнуть!

— Действительно, приятно! – Лермонтов рассмеялся по-детски, заразительно.

И выглядел в эту минуту ровно тем, кем он и был по сути: двадцатитрёхлетним юношей. Что все равно никак не укладывалось в моей голове!

— Обнимемся? – предложил.

— Вы же представляете, какая для меня это честь?

Лермонтов обнял меня.

— Даже несмотря на все ваши рассказы, все равно представляю с трудом и не совсем понимаю, почему для вас это такая честь! – улыбнулся. – Но рад оказать вам такую услугу.

— Благодарю!

— Кстати, об услуге... Могу ли я еще как-нибудь отблагодарить вас за ваше открытие мне единственному такой тайны? Ее я сохраню. Будьте покойны.

Я задумался.

— Вы же скоро, наконец, допишите "Демона"?

— Ох! – Лермонтов покачал головой. – Ну, теперь точно – никаких сомнений. Об этом уж никто не мог знать. Да. Скоро. Быть может, перенесу действие на Кавказ.

— Если вы еще не определились с именем героини...

— Так.

— Назовите её Тамара.

— Тамара. Хм. Это...?

— Мою будущую жену так зовут. И мне, и ей будет приятно.

— Вы и жениться не боитесь в нашем времени?!

— Нет. Не боюсь. Я же говорю: все уже было записано!

— Да. Да. Что ж. Тамара. Договорились! А теперь, извините. Нужно бежать. Очень надеюсь, что у вас все получится! Может, Савва, и прав. Даст Бог, свидимся!

— Надеюсь. Очень.

— Прощайте, друг мой, Коста!

— Прощайте, Михаил Юрьевич!

Лермонтов кивнул мне с улыбкой. Пошёл быстрым шагом. Вдруг обернулся. Широко улыбнулся.

— А, признайтесь, Коста, ведь, это вы для меня произнесли тост про язык к месту и не к месту там, за столом?

— Да, Михаил Юрьевич, для вас.

— Предупредили? – Лермонтов продолжал улыбаться.

Я молчал.

— Предупредили! – был уверен Лермонтов. – Что ж, спасибо! Буду стараться следовать вашему предупреждению! По мере сил! Прощайте!

Я некоторое время стоял, не в силах сдвинуться с места. Потом кое-как поплелся к своему столику. Еда уже давно стояла на столе. Остыла совершенно. Я ел тощую курицу, притворяющуюся пуляркой по приказу Найтаки, совершенно не ощущая ни вкуса, ни температуры. И все время улыбался. Как ребёнок.

Глава 6. Нравы Кубанской линии.

От Пятигорска до Прочного Окопа ближе добираться по левому берегу Кубани, срезав по прямой приличный кусок между Сунджей и Урупом. Но в одиночку, без проводника, рискуя столкнуться с темиргоевцами? Подобное предприятие выглядело самоубийством. Я пожалел, что не расспросил Джанхота об отношении лично ко мне людей Бейзруко и Джамбулата Болотоко. Приняли ли они на веру мою версию поединка с княжичем, я не знал. Можно было проехать и по правому берегу, вдоль Кубанской линии. Но Буйнов меня отговорил. Меня могли задержать усердные урядники для выяснения, кто таков, несмотря на мою подорожную. Или запросто оказаться в эпицентре прорыва черкесов. В общем, ничего не оставалось другого, как делать крюк через Ставрополь. В общей сложности мне предстояло проехать под двести верст.

На дорогу я себе положил три дня. Нестись сломя голову не хотел, но и медлить не стоило. Встретится к вечеру почтовая станция или казачья станица – хорошо, заночую под крышей. Не попадется на пути – не беда, посплю в степи. Мне уже было не привыкать к походным бивуакам. Бурка есть, как и припасы. Не пропаду.

Так оно и вышло бы, да ливень на подъезде к Ставрополю помешал. Чернозем прилично размяк. Скорость движения сразу упала. До заставы на въезде в город добрался поздно вечером.

Офицер, проверявший подорожную, предупредил:

— Улицы города превратились в болото. Пока до гостиницы доберетесь, изгваздаетесь с ног до головы и коней заморите. Переночуйте в караулке, а утром, не въезжая в город, поворачивайте на станицу Сенгилеевскую. А там по прямой – на Прочный Окоп.

Так и поступил.

С утра проглянуло солнце. Струйки тумана поднимались от земли. Позевав и дав себе зарок впредь не ночевать в солдатских караулках, я выдвинулся в направлении Сенгилеевки. Добрался до станицы к полудню.

Станица удивила. Она не имела привычной уже глазу изгороди и караульных вышек, как в казачьих селениях, которые миновал в предгорьях и степи за Пятигорском. Лишь белёная церковь имела каменную ограду с бойницами. Разбросанные, словно копны в поле, хаты-мазанки и сараи привольно раскинулись вдоль реки Егорлык на восемь верст. А в двадцати уже была Линия, через которую то и дело шастали черкесы. Селение выглядело как созревший плод – приходи и бери, что душе угодно. Женщин, детей, скот…

Остановился у первого плетня, за которым по двору шастала проворная бабенка лет тридцати. Поинтересовался насчет дороги. Попросил водицы или молока. Женщина молча меня разглядывала. Еще дольше моих лошадей. Пауза затягивалась. Почему-то возникло ощущение, будто я не на коне, а на сцене, а единственный зритель решает награждать аплодисментами или освистать.

— Заходи, коли охота! Я сейчас, – неожиданно прервала свое молчание казачка.

Я спрыгнул с коня. Накинул поводья на кол изгороди и прошел во двор.

Женщина упорхнула в дом и через пять минут вышла приодетой, как на праздник. Подбежала ко мне с кружкой и глечиком с молоком в руках. На высокой груди подпрыгивали связки разноцветных бус.

—Поснидать хочешь, служивый? Борща с квашеной свеклой?

Я отпил из кувшина, проигнорировав кружку. Смахнул молоко с бороды. Женщина засмеялась низким волнительным голосом. Она не скрывала своего женского интереса.

— Благодарю! Тороплюсь по службе!

Бабенка почти прижалась ко мне. Лишь глечик отделял меня от горячего тела лихой кубаночки.

— Служба не убежит! – жарко молвила она. – Зайдешь в хату?

Я немного растерялся от такого напора. Только и нашел, что спросить.

— А муж?

— Хозяин – на Линии. Где ж ему быть? Да он и возражать бы не стал.

— Ну и порядки у вас!

— Чем тебе наши порядки не по сердцу? По всей Линии казачки имеют своего побочина. Мой недавно сгинул. Осталась я одна одинешенька! Хозяин и наказал перед отправкой: найди нового, тароватого. Аль ты некрасива или неловка? За щербатую копейку удавится, – презрительно сплюнула она. – Ну! Что решил?!

Тут мне невольно захотелось рассмеяться в голос. Вот уж не думал, что мне сразу после начала семейной жизни выпадет доля побывать в шкуре одного из самых известных персонажей анекдотов, когда муж в командировке. Или это испытание? Решила нечистая сила проверить на прочность? Зряшная затея. И по масштабу замысла – примитивная. Может, Дьявол сейчас дрыхнет? И какой-нибудь из его мелких чертиков решил порулить. В надежде сковырнуть меня с пути праведного и получить похвалу начальника!

Так я веселился про себя, представляя этого чертика, похожего на того, которого оседлал кузнец Вакула из детского фильма "Вечера на хуторе близ Диканьки".

"Ничего у тебя не выйдет, чертик! И ты, прости, казачка. Я Тамару люблю!"

Наверное, я всю свою недолгую жизнь что там, что здесь подсознательно искал такую женщину, как моя грузинка. Такую, которой не захочется изменять. Мысли об этом в голову не придёт. Всегда с удивлением и, что скрывать, иногда с завистью, относился к друзьям, которые с легкостью совершали подобное, не испытывая ни душевных мук, ни терзаний совести. Делали, возвращались к женам, как ни в чем не бывало. Удивлялся я или завидовал – не важно. Одно понимал точно, сам так не смогу. Не стоит и пробовать. Потому что, сделав, потом всего себя по кусочкам съем из-за мучений.

— Зазноба у меня. Извини, хозяйка!

Казачка отстранилась и суетливо огляделась по сторонам.

"Этак она не отстанет. Прости, казачка, ещё раз! Но придётся мне без политесов. Грубо. Понимаю, что не к лицу мужчине такое. Но по-другому тебя, судя по всему, не убедишь"

— Боишься, не заметят ли соседи, как от тебя мужик сбежал? – усмехнулся я.– Пустое село. Все в полях да в садах. Ты первая, кого встретил.

Хозяйка недовольно кивнула и вырвала у меня из рук кувшин с кружкой.

— Тикай отсель, скажэный! – она явно разозлилась.

Развернулась резко и ушла в дом не оглядываясь.Только босые пятки сверкнули.

Я пожал плечами. Что ж, подействовало. Дьявол проснулся. Застал дрожащего и уже подпустившего под себя лужу неумелого ученика. Схватил розги и теперь охаживает его худую филейную часть, приговаривая: "Ты чего удумал, шельмец? Это же Коста Варваци! Кремень! Алмазный фонд России! Перед ним хоть тридцать самых красивых девственниц голых в ряд уложи! Пройдет мимо, глазом не моргнет. Только опять вспомнит про свою Тамару и вздохнет, утирая слезу любви и тоски по своей царице. Даже я к нему не подступаюсь. Знаю, что без толку. Ты-то куда лезешь, лишенец?!"

Тихо, чтобы хозяйка не услышала, все ж таки не удержался, рассмеялся. Не стоило ее злить еще больше. Кубанские казачки всегда славились свободолюбием, резким нравом и бесстрашием. Здесь дамы ни бога, ни черта не боятся. На покос идут с ружьем за плечами. А в отсутствии мужчин сами отстреливаются от черкесов. Такая лихая казачка могла и вдарить неслабо, если почувствует себя задетой.

До станицы Прочный Окоп потянулась сорокаверстная степь.

Хороша весной ставропольская степь! Унылое зимой, наводящее тоску своим однообразием, бескрайнее пространство в мае поражало буйством красок весеннего цветения. Ост-

ровками красных и желтых тюльпанов и диких пионов-лазориков, запахом чабреца и пением жаворонков. И синеющими вдали горами с сияющим Эльбрусом.

И безлюдьем! Редко-редко встречались стада с пастухами-ногайцами да немногочисленные посты на ровной дороге, служившие скорее местом отдыха путникам. Они ехали или шли без всякой охраны. Лишь один встретившийся казенный караван с просом можно было с натяжкой назвать оказией. Маленькая группа казаков составляла скорее почетный эскорт, чем силу, способную дать отпор. Свои ружья они держали незаряженными.

— По сторонам поглядывайте, – предупредил меня урядник на одном из караулов. – Могут и наши стрельнуть. Разъезды с утра уже прошлись по-над берегом Кубани. Самку искали – след по-нашему. Всадник одвуконь – подозрительно. И на ногах у вас чувяки, а не сапоги. Опять же – лошади кабардинские. Хотя днем черкес не балует. Темна ждет. Ночью дорога замирает.

— А если днем набегут?

— Авось пронесет! – засмеялся казак. – Сами же без эполетов раскатываете по степи!

Этот русский авось, казалось, определял всю жизнь на Линии. Беспечность и пренебрежительное отношение к опасности превратились в стиль жизни. Или сказывался недостаток людей? Эти огромные пустые и плоские просторы, лишь изредка разрываемые балками, рощами, холмами и древними курганами, перекрыть надежно было нереально. Вот люди и привыкли к опасности. Считали ее столь же неизбежной, как летнее половодье Кубани.

Добрался до ворот в большую станицу Прочноокопскую. Разбитое на правильные четырехугольники селение спускалось по скату высокого берега к реке прямыми широкими и пыльными улицами. В дождь или зимой они, наверняка, утопали в грязи. Станицу окружал ров и двойной плетень, забитый землей. В нем были прорезаны бойницы. Здесь была полковая квартира и штаб Кубанского казачьего полка.

Встречи с его командирами я предпочел избежать. Пора уже было включать режим параноии. Сколько среди местного люда подсылов от горцев, я не знал. Но предполагал, что много. Армяне-торговцы и кунаки с другого берега шастали в гости к казачкам, а сами высматривали что почем.

Я замотал лицо башлыком и двинулся в обход станицы к крепости, расположенной в трех верстах на высоком холме. Там находился нужный мне дом кордонного начальника. Грозы черкесов, страшного и ужасного генерала-майора Григория Христофоровича Засса. Виновника в пленении поручика Торнау.

Прочный Окоп встретил меня земляными валами с амбразурами для пушек и ружей и треугольными выступами-бастионами. И шестами с отрубленными головами. Пропустили меня без тщательной проверки. Даже лица не потребовали открыть. К лазутчикам здесь привыкли. Они толпами съезжались к генералу, платившему золотыми червонцами за нужную информацию. Приезжали и знатные черкесы на тайные переговоры. Никто их не пытался задерживать – парламентёры!

Вечерело. На дворе перед домом Засса толпился народ – не протолкнись. Все перемешались – черкесы, казаки с Георгиевскими крестами на груди и офицеры в мундирах с эполетами и без оных.И все обвешаны оружием. Ждут непонятно чего. С трудом нашел себе свободное место, чтобы послушать разговоры и понять, чем народ дышит на Линии.

Рядом стояли два офицера и вели напряженный разговор. Один из них ругался на Засса:

— Распустил генерал своих подчиненных начальников. Отчитал меня за трусость! Меня! Я с отрядом казаков при двух орудиях погнался за хищниками. Перешли Кубань. Догнали. Жаркое вышло дело! Пленных отбили и скота голов пятьдесят.

— Что же вы с пленными сделали?

— Посадили на захваченных лошадей, да и отправили в полковую квартиру. Сами остались, чтобы товарищей выручить. Крепко на них горцы насели. Да мы вдарили в тыл и в речку

опрокинули абадзехов. А начальник кордона лошадей себе забрал и все лавры победителя на себя записал. Мне генерал его донесение показал. Ругался, что я скот ему не пригнал. А начальника хвалил.

— На что ему скот?

— Вы не знаете? У него в дальней крепости большая отара. Мой полковник неизменно с генералом делится. Пишет в рапортичке: захваченный скот потонул в Кубани. Ему плевать, что там воды лошади по колено. Главное, чтоб его Высокопревосходительство были довольны.

— Сколько ж ему потребно? Вот ненасытная генеральская утроба! Я шашки дорогие привез. И панцирь старинной работы. Говорю, деньги давайте. У меня казаки артельно живут. Прибыль от походов делим между всех в равных долях.

— А он?

— «Завтра!» – отвечает!

— Завтра – значит, никогда! – усмехнулся офицер.

Его собеседник тяжко вздохнул:

— Что ж мне казачкам своим теперь сказать?

— Господа! – тихонько перебил я разошедшихся офицеров. – Подскажите, как незаметно к генералу попасть?

Офицеры испуганно обернулись. Сообразили, что я невольно подслушал не предназначенный для чужих ушей разговор.

— Прапорщик Эриванского полка Варваци! – поспешил я представиться.

— Далеко вас занесло! – усмехнулся тот, кто ругал Засса из-за отнятых шашек. – Судя по вашему виду, вы по тайной надобности. Это вам лучше к полковнику Ольшевскому. Он на Правом крыле за секретную часть отвечает. Вот только Марцелин Матвеевич ныне уже на том берегу. Экспедиция летняя началась.

— Мне именно к Зассу!

— Тогда вам стоит поспешать. Ежели начнет генерал узденям да старейшинам свои фокусы показывать, это надолго. Следите за крыльцом. Как выйдет вертлявый черкес в красном бешмете, сразу окликайте. Это Карим-Хадиль, любимчик генерала. На кабаньей охоте его спас. Кабан Засса сбил с ног, клыками давай пороть, а черкес с одного выстрела уложил.

— А что за фокусы?

— Еще не слышали? Любит наш генерал горцам голову морочить. Колдуна из себя изображает. То электрическую машинку заведет, то выставит дело так, будто пуля его не берет, – офицеры засмеялись. – Велит принести пистолеты, что оставляют гости в прихожей. «Стреляйте в меня», – говорит. Те рады стараться. Пиф-паф – и ничего! Генерал тайком кинет пулю к их ногам. Черкесы – в ужасе! Заговоренный! И невдомёк остолопам, что Хадилька ту пулю из пистолета вынул и генералу передал. Всему верит туземный народец. Дети гор!

— Это что! Последний раз Засс вон что удумал! Театр с панорамой! Приехали к нему старейшины-абадзехи просить о мире. Генерал им: «Врете! Я все про вас знаю! Хотите, я вам покажу абадзехский аул, хоть, например, старшины Мисербия? Вы говорите, что он дома, а его там нет». Подвел их к двери, в которую было врезано окошко. На него повесили на стекло подсвеченную из другой залы картинку, нарисованную одним из офицеров. С тем самым аулом. Засс предложил любому спросить: дома ли Мисербий? Один старейшина подошел к стеклу, взглянул еще раз и спросил: «Мисербий, ты дома?» Глухой голос отвечал (все тот же Хадилька): «Мисербия дома нет — он уехал к такому-то». Абадзехи окончательно растерялись и ни за что не согласились смотреть более в панораму, говоря, что Зассу черти помогают. И окрестили его шайтаном.

— А что такое экспедиция?

Офицеры переглянулись и дружно расхохотались.

— Ну вы даете! Неужто в Грузии не слыхали про наши летние походы вглубь Черкесии?! Тут, на Линии, экспедиция – самое желанное, что можно придумать. Все хотят, чтобы их взяли. Из столиц даже приезжают поучаствовать. Как итоги кампании подведут, посыпятся награды да повышения в чинах. Или перевод в гвардию, – объяснил мне один из новых знакомцев.

— Они, наверное, в своем Тифлисе думают, что настоящая война только в Дагестане, – хмыкнул второй. – Вон нужный вам Карим-Хадиль!

Я распрощался и бросился к крыльцу. Коротко отрекомендовался порученцу генерала. Он досадливо крякнул и знаком предложил мне войти.

—Сотовку дэлать прищель? – с жутким акцентом спросил меня Хадилька. Заметив, что я не понял, добавил. – Обмен голова на два коров?

— Нет у меня голов! Я с секретным предписанием из Тифлиса.

— Генерал сердис будет! – буркнул черкес. – Клади шашка и другой ружо на стол.

В зале ожидания стоял стол. На нем лежало оружие тех, кто прошел к генералу вперед меня. Я не стал спорить и выложил весь свой арсенал – шашку, кинжал, револьвер. Два ружья – английское, подаренное в Абхазии, и черкесское от собратьев по вольному обществу – прислонил к стене. Дождался, пока выйдут посетители. Когда меня позвали, размотал башлык и шагнул в гостиную.

Она, к моему удивлению, была увешана клетками с канарейками. Засс как раз менял в одной из них воду.

Совсем не богатырь, как его многие рисовали. Напротив, среднего роста, с бледным лицом и наряженный в черкеску. Взгляд сразу концентрировался на его длинных пшеничных усах до плеч, высоком лбе и заметной хромоте. Он производил впечатление вспыльчивого сильного человека с проницательным взором воспалённых болезненных красных глаз и живым веселым характером. И совсем не такого страшного, как я себе представлял.

— Ну, здравствуй, гость желанный! – приветствовал меня генерал-майор, как только я представился и передал все письма из Тифлиса. – Наслышан-наслышан про твои успехи. Считаю, обошли тебя с наградой. Прочитал в газете про Станислава, а следовало к Владимиру 4-й степени тебя представить! И Вельяминов тебя хвалил. Сказал, что ему твои записки про долину Пшады очень пригодятся в этом году.

— Благодарю вас, Ваше Высокопревосходительство!

— Значит, теперь Торнау? Таковы твои планы? – пытливо вглядываясь в меня, спросил генерал.

— Не вижу иного пути! Из-за меня поручик пострадал!

— Ты ври да не завирайся. Уверен, весь Корпус меня назначил ответчиком! Можешь не отвечать, – он сердито махнул рукой. – Кругом – одни завистники! Головы на шестах им не по нраву… Кабы всякому по нраву, так бы и царства небесного не надо. Здесь не рай земной. Пусть лучше матери черкесские моим именем пугают своих детей. Так нам Алексей Петрович заповедовал: «Дрожи, Кавказ! Идет Ермолов!» А как по-другому? Вот рапортички! – генерал указал на стол, заваленный бумагами. – Дня не проходит, чтобы мне не донесли: мельника зарубили, детей увезли за реку; женщин в поле схватили; отогнали скот у ногайцев; разорили хутор. Черкесы своим молодечеством у меня в печенках сидят! Далеко я их в горы от Кубани подвинул – все равно воровать едут и едут!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.